

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОЭМ И ПЬЕС В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)я5
М39

Серия основана
в 2007 году

Маяковский В. В.
М39 Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1327 с.: ил. — (Полное со-
брание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0869-6

В один том вошли все стихотворения, поэмы и пьесы великого русского поэта
Владимира Маяковского (1893—1930).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)я5

ISBN 978-5-9922-0869-6

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

Я САМ

ТЕМА

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом.

ПАМЯТЬ

Бурлюк говорил: у Маяковского память, что дорога в Полтаве, — каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то «доряне». Подробности этого дела не помню, но, должно быть, дело серьезное. Запоминать же — «Сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны» — дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии.

ГЛАВНОЕ

Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае не раньше). Родина — село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия.

СОСТАВ СЕМЬИ

Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

Сестры:

а) Люда.

б) Оля.

Других Маяковских, повидимому, не имеется.

1-е ВОСПОМИНАНИЕ

Понятия живописные. Место неизвестно. Зима. Отец выписал журнал «Родина». У «Родины» «юмористическое» приложение. О смешных говорят и ждут. Отец ходит и поет свое всегдашнее «алон занфан де ля по четыре». «Родина» пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору: «Как смешно! Дядя с тетей целуются». Смеялись. Позднее, когда пришло приложение и надо было действительно смеяться, выяснилось — раньше смеялись только надо мной. Так разошлись наши понятия о картинках и о юморе.

2-е ВОСПОМИНАНИЕ

Понятия поэтические. Лето. Приезжает масса. Красивый длинный студент — Б. П. Глушковский. Рисует. Кожаная тетрадища. Блестящая бумага. На бумаге длинный человек без штанов (а может, в обтяжку) перед зеркалом. Че-

ловека зовут «Евгенионегиным». И Боря был длинный, и нарисованный был длинный. Ясно. Боря я и считал этим самым «Евгенионегиным». Мнение держалось года три.

3-е ВОСПОМИНАНИЕ

Практические понятия. Ночь. За стеной бесконечный шепот папы и мамы. О рояли. Всю ночь не спал. Свербила одна и та же фраза. Утром бросился бежать бегом: «Папа, что такое рассрочка платежа?» Объяснение очень понравилось.

ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Лето. Потрясающие количества гостей. Накапливаются именины. Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню — специально для папиных именин:

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор...

«Соплеменные» и «скалы» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо ее ненавидеть.

КОРНИ РОМАНТИЗМА

Первый дом, воспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний — наш. Нижний — винный заводик. Раз в году — арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами. Крепость четырехугольнивается крепостным валом. В углах валов — накаты для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше.

НЕОБЫЧАЙНОЕ

Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, отдернул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман и боль. В раступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клепачный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересовавшаяся природой. Неусовершенствованная вещь.

УЧЕНИЕ

Учила мама и всякоюродные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счета. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием.

ПЕРВАЯ КНИГА

Какая-то «Птичница Агафья». Если б мне в то время попало несколько таких книг — бросил бы читать совсем. К счастью, вторая — «Дон-Кихот». Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ (1912—1917)

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа — пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жель, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

[1912]

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов —
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза
сделала больной
враждующий букет бульварных
проституток.

И жуток
шуток
клюющий смех —
из желтых
ядовитых роз
возрос
зигзагом.
За гам
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

[1912]

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы — как будто лили
любовь и похоть медью труб.

Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.
[1912]

УЛИЧНОЕ

В шатрах, истертых ликов цвель где,
из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.

Вбиваю гулко шага сваи,
брошаю в бубны улиц дробь я.

Ходьбой усталые трамваи
скрестили блещущие копыя.

Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь кралась близко.
Смотрело небо в белый газ
лицом безглазым василиска.
[1913]

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

У-
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че.
Че-
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.
Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы

тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули,
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» —
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клоч.
Лысый фонарь
сладострастно снимает
с улицы
черный чулок.
[1913]

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы

прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?
[1913]

СТИХОТВОРЕНИЯ (1917—1925)

НАШ МАРШ

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленю ляг, луг,
выстели дно дням.
Радуга, дай дуг
лет быстролётным коням.

Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша — медь литавр.
[1917]

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штучки:

от первой до третьей — люди,
четвертая была верблюдик.

К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,

от нее в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.

И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все — и растаяли.

И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось — желтый жираф.
[1917—1918]

ВЕСНА

Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глупа и болтлива, как юнкер.
[1918]

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.
 Пели будто:
 — Гриб.
 Грабь.
 Гроб.
 Груб. —

Ветром опита,
 льдом обута,
 улица скользила.
 Лошадь на круп
 грохнулась,
 и сразу
 за зевакой зевака,
 штаны пришедшие Кузнецким
 клёшить,

сгрудились,
 смех зазвенел и зазвякал:
 — Лошадь упала! —
 — Упала лошадь! —
 Смеялся Кузнецкий.
 Лишь один я
 голос свой не вмешивал в вой ему.
 Подошел
 и вижу
 глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
 течет по-своему...
 Подошел и вижу —
 за капличей капличка
 по морде катится,

прячется в шерсти...

И какая-то обшая
 звериная тоска
 плеща вылилась из меня
 и расплылась в шелесте.
 «Лошадь, не надо.
 Лошадь, слушайте —
 чего вы думаете, что вы их плоше?
 Деточка,
 все мы немножко лошади,
 каждый из нас по-своему лошадь».
 Может быть
 — старая —
 и не нуждалась в няньке,
 может быть, и мысль ей моя
 казалась пошла́,

только
 лошадь
 рванулась,
 встала на ноги,
 ржанула
 и пошла.
 Хвостом помахивала.
 Рыжий ребенок.
 Пришла веселая,
 стала в стойло.
 И все ей казалось —
 она жеребенок,
 и стоило жить,
 и работать стоило.
[1918]

ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
 освистанная,
 осмеянная батареями,
 тебе,
 изъязвленная злословием штыков,
 восторженно возношу
 над руганью реемой
 оды торжественное
 «О»!
 О, звериная!
 О, детская!
 О, копеечная!
 О, великая!
 Каким названьем тебя еще звали?
 Как обернешься еще, двулика?
 Стройной постройкой,
 грудой развалин?

Машинисту,
 пылью угля овеванному,
 шахтеру, пробивающему толщи руд,
 кадишь,
 кадишь благоговейно,
 славишь человеческий труд.
 А завтра
 Блаженный
 стропила соборовы
 тщетно возносит, пощаду моля, —
 твоих шестидоймовок тупорылые
 боровы
 взрывают тысячелетия Кремля.
 «Слава».
 Хрипит в предсмертном рейсе.
 Визг сирен придушенно тонок.
 Ты шлешь моряков

на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых
адмиралов
вниз головой

с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтово
— о, четырежды славься,
благословенная! —
[1918]

ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВА

Канителят стариков бригады
канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады! —
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы,
в будущее прыжок!
Паровоз построить мало —
накрутил колес и утек.
Если песнь не громит вокзала,
то к чему переменный ток?
Громоздите за звуком звук вы
и вперед,
попя и свища.
Есть еще хорошие буквы:
Эр,
Ша,
Ша.
Это мало — построить парами,
распушить по штанине канты.

Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабан из окна багром!
Барабан,
рояль раскрой ли,
но чтоб грохот был,
чтоб гром.
Это что — корпеть на заводах,
перемазать рожу в копоты
и на роскошь чужую
в отдых
осовельми глазками хлопать.
Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!
[1918]

РАДОВАТЬСЯ РАНО

Будущее ищем.
Исходили вёрсты торцов.
А сами
расселились кладбищем,
придавлены плитами дворцов.
Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодуюмовками глоток старье
расстреливай!

Сеете смерть во вражьем стане.
Не попадись, капитала наймиты.
А царь Александр
на площади Восстаний
стоит?
Туда динамиты!
Выстроили пушки по опушке,
глухи к белогвардейской ласке.
А почему
не атакован Пушкин?
А прочие
генералы классики?
Старье охраняем искусства именем.
Или

зуб революций ступился о короны?
 Скорее!
 Дым развейте над Зимним —
 фабрики макаронной!
 Попалили денек-другой из ружей
 и думаем —

старому нос утрем.
 Это что!
 Пиджак сменить снаружи —
 мало, товарищи!
 Выворачивайтесь нутром!
 [1918]

ПОЭТ РАБОЧИЙ

Орут поэту:
 «Посмотреть бы тебя у токарного
 станка.
 А что стихи?
 Пустое это!
 Небось работать — кишка тонка».
 Может быть,
 нам
 труд
 всяких занятий роднее.
 Я тоже фабрика.
 А если без труб,
 то, может,
 мне
 без труб труднее.
 Знаю —
 не любите праздных фраз вы.
 Рубите дуб — работать дабы.
 А мы
 не деревообделочники разве?
 Голов людских обделываем дубы.
 Конечно,
 почтенная вещь — рыбачить.
 Вытащить сеть.
 В сетях осетры б!
 Но труд поэтов — почтенный паче —

людей живых ловить, а не рыб.
 Огромный труд — гореть над горном,
 железа шипящие класть в закал.
 Но кто же
 в безделье бросит укор нам?
 Мозги шлифуем рашпилем языка.
 Кто выше — поэт
 или техник,
 который
 ведет людей к вещественной выгоде?
 Оба.
 Сердца — такие ж моторы.
 Душа — такой же хитрый двигатель.
 Мы равные.
 Товарищи в рабочей массе.
 Пролетарии тела и духа.
 Лишь вместе
 вселенную мы разукрасим
 и маршами пустим ухать.
 Отгородимся от бурь словесных молотом.
 К делу!
 Работа жива и нова.
 А праздных ораторов —
 на мельницу!
 К мукомолам!
 Водой речей вертеть жернова.
 [1918]

ТОЙ СТОРОНЕ

Мы
 не вопль гениальничанья —
 «все дозволено»,
 мы
 не призыв к ножовой расправе,
 мы
 просто
 не ждем фельдфебельского
 «вольно!»,
 чтоб спину искусства размять,
 расправить.
 Гарцуют скелеты всемирного Рима
 на спинах наших.
 В могилах малó им.
 Так что ж удивляться,
 что непримиримо

мы
 мир обложили сплошным «долоем».
 Характер различен.
 За целость Венеры вы
 готовы щадить веков камарилью.
 Вселенский пожар размочалил нервы.
 Орете:
 «Пожарных!
 Горит Мурильо!»
 А мы —
 не Корнеля с каким-то Расином —
 отца, —
 предложи на старье меняться, —
 и его

обольем керосином
и в улицы пустим —
для иллюминаций.
Бабушка с дедушкой.
Папа да мама.
Чинопочитанья проклятого тина.
Лачуги рушим.
Возносим дома мы.
А вы нас —
«ловить арканом картинок!»

Мы
не подносим —
«Готово!
На блюде!
Хлебайте сладкое с чайной ложки!»
Клич футуриста:
были б люди —
искусство приложится.

В рядах футуристов пусто.
Футуристов возраст — призыв.
Изрубленные, как капуста,
мы войн,
революций призы.

Но мы
не зовем обывателей гроба.
У пьяной,
в кровавом пунше,
земли —
смотрите! —
взбухает утроба.
Рядами выходят юноши.
Идите!
Под ноги —
топчите ими —
мы
бросим
себя и свои творенья.
Мы смерть зовем рожденья во имя.
Во имя бега,
паренья,
реянья.
Когда ж
прорвемся сквозь заставы,
и праздник будет за болью боя, —
мы
все украшенья
расставить заставим —
любите любое!

[1918]

ЛЕВЫЙ МАРШ (*Матросам*)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблуды!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравои!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!
[1918]

ПОТРЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ

Небывалей не было у истории в аннале
 факта:
 вчера,
 сквозь иней,
 звеня в «Интернационале»,
 Смольный
 ринулся
 к рабочим в Берлине.
 И вдруг
 увидели
 деятели сыска,
 все эти завсегдатаи баров и опер,
 триэтажный
 призрак
 со стороны российской.
 Поднялся.
 Шагает по Европе.
 Обедающие не успели окончить обед —
 в место это
 грохнулся,
 и над Аллеей Побед —
 знамя
 «Власть советов».
 Напрасно пухлые руки взмóлены, —
 не остановить в его неслышном карьере.
 Раздавил
 и дальше ринулся Смольный,
 республик и царств беря барьеры.
 И уже
 из лоска
 тротуарного глянца
 Брюсселя,
 натягивая нерв,
 росла легенда
 про Летучего голландца —
 голландца революционеров.
 А он —
 по полям Бельгии,
 по рыжим от крови полям,
 туда,
 где гудит союзное ржанье,
 метнулся.
 Красный встал над Парижем.
 Смолкли парижане.
 Стоишь и сладостным маршем манишь.
 И вот,
 восстанию в лапы óдана,
 рухнула республика,
 а он — за Ламанш.
 На площадь выводит подвалы Лондона.
 А после
 пароходы
 низко-низко

над океаном Атлантическим видели —
 пронесся.
 К шахтерам калифорнийским.
 Говорят —
 огонь из зева выделил.
 Сих фактов оценки различна мерка.
 Не верили многие.
 Ловчились в спорах.
 А в пятницу
 утром
 вспыхнула Америка,
 землей казавшаяся, оказалась порох.
 И если
 скулит
 обывательская моль нам:
 — не увлекайтесь Россией, восторженные дети, —
 я
 указываю
 на эту историю со Смольным.
 А этому
 я,
 Маяковский,
 свидетель.
[1919]

С ТОВАРИЩЕСКИМ ПРИВЕТОМ, МАЯКОВСКИЙ

Дралось
 некогда
 греков триста
 сразу с войском персидским всем.
 Так и мы.
 Но нас,
 футуристов,
 нас всего — быть может — семь.
 Тех
 нашли у истории в пылях.
 Подсчитали
 всех, кто сражен.
 И поют
 про смерть в Фермопилах.
 Восхваляют, что лез на рожон.
 Если петь
 про залезших в щели,
 меч подъявших
 и павших от, —
 как не петь
 нас,
 у мыслей в ущелье,
 не сдаваясь, дерущихся год?

Слава вам!
 Для посмертной лести
 да не словит вас смерти лов.
 Неуязвимые, лезьте
 по скользящим скалам слов.
 Пусть
 хотя б по капле,
 по две
 ваши души в мир волюются
 и растят
 рабочий подвиг,
 именуемый
 «Революция».
 Поздравители
 не хлопают дверью?
 Им
 от страха
 небо в овчину?
 И не надо.
 Сотую —
 верю! —
 встретим годовщину.
[1919]

Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем кого — мети!
Ноги знают,
чьими
трупам
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

Пожарами землю дбья,
езде,
где народ исплёнен,
взрывается
бомбой

имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
не стихов вееру
обмахивать юбиляра уют. —
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.
[1920]

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 верст по Ярославской жел. дор.)

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!

довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в шель войдя,
валилась солнца масса,

ввалилось;
 дух переведа,
 заговорило басом:
 «Гоню обратно я огни
 впервые с сотворенья.
 Ты звал меня?
 Чай гони,
 гони, поэт, варенье!»
 Слеза из глаз у самого —
 жара с ума сводила,
 но я ему —
 на самовар:
 «Ну что ж,
 садись, светило!»
 Черт дернул дерзости мои
 орать ему, —
 сконфужен,
 я сел на уголок скамьи,
 боюсь — не вышло б хуже!
 Но странная из солнца ясь
 струилась, —
 и степенность
 забыв,
 сижую, разговорясь
 с светилом постепенно.
 Про то,
 про это говорю,
 что-де заела Роста,
 а солнце:
 «Ладно,
 не горюй,
 смотри на вещи просто!
 А мне, ты думаешь,
 светить
 легко?
 — Поди, попробуй! —
 А вот идешь —
 взялось идти,

идешь — и светишь в оба!»
 Болтали так до темноты —
 до бывшей ночи то есть.
 Какая тьма уж тут?
 На «ты»
 мы с ним, совсем освоюсь.
 И скоро,
 дружбы не тая,
 бью по плечу его я.
 А солнце тоже:
 «Ты да я,
 нас, товарищ, двое!
 Пойдем, поэт,
 взорим,
 воспоем
 у мира в сером хламе.
 Я буду солнце лить свое,
 а ты — свое,
 стихами».
 Стена теней,
 ночей тюрьма
 под солнц двустволкой пала.
 Стихов и света кутерьма —
 сияй во что попало!
 Устанет то,
 и хочет ночь
 прилечь,
 тупая сонница.
 Вдруг — я
 во всю светаю мочь —
 и снова день трезвонится.
 Светить всегда,
 светить везде,
 до дней последних донца,
 светить —
 и никаких гвоздей!
 Вот лозунг мой —
 и солнца!
 [1920]

ОТНОШЕНИЕ К БАРЫШНЕ

Этот вечер рещал —
 не в любовники выйти ль нам? —
 темно,
 никто не увидит нас.
 Я наклонился действительно,
 и действительно
 я,
 наклонясь,

сказал ей,
 как добрый родитель:
 «Страсти крут обрыв —
 будьте добры,
 отойдите.
 Отойдите,
 будьте добры».
 [1920]

ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ

Молнию метнула глазами:
 «Я видела —
 с тобой другая.
 Ты самый низкий,
 ты подлый самый...» —
 И пошла,
 и пошла,

и пошла, ругая.
 Я ученый малый, милая,
 громыханья оставьте ваши.
 Если молния меня не убила —
 то гром мне
 ей-богу не страшен.
 [1920]

ГОРЕ

Тщетно отчаянный ветер
 бился нечеловече.
 Капли чернеющей крови

стынут крышами кровель.
 И овдовевшая в ночи
 вышла луна одиночить.
 [1920]

* * *

Портсигар в траву
 ушел на треть.
 И как крышка
 блестит
 наклонились смотреть
 муравьишки всяческие и травилка.
 Обалдело дивились
 выкрутас монограмме,
 дивились сиявшему серебром
 полированным,
 не стоившие со своими морями
 и горами

перед делом человеческим
 ничего ровно.
 Было в диковинку,
 слепило зрение им,
 ничего не видевшим этого рода.
 А портсигар блестел
 в окружающее с презрением:
 — Эх, ты, мол,
 природа!
 [1920]

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Мы идем
 революционной лавой.
 Над рядами
 флаг пожаров ал.
 Наш вождь —
 миллионноглавый
 Третий Интернационал.

В стены столетий
 воль вал
 бьет Третий
 Интернационал.

Мы идем.
 Рядов разливу нет истока.
 Волгам красных армий нету устья.
 Пояс красных армий,
 к западу
 с востока
 опоясав землю,
 полюсами пустим.

Нации сети.
 Мир мал.
 Ширься, Третий
 Интернационал!

Мы идем.
 Рабочий мира,
 слушай!
 Революция идет.
 Восток в шагах восстаний.
 За Европой
 океанами пройдет, как сушей.
 Красный флаг
 на крыши ньюйоркских зданий.

В новом свете
 и в старом
 ал
 будет
 Третий
 Интернационал.

Мы идем.
Вставайте, цветнокожие колоний!
Белые рабы империй —
встаньте!
Бой решит —
рабочим властвовать у мира в лоне
или
войнами звереть Антанте.

Те
или эти.
Мир мал.
К оружию,
Третий
Интернационал!

Мы идем!
Штурмуем двери рая.
Мы идем.
Пробили дверь другим.
Выше, наше знамя!
Серп,
огнем играя,
обнимайся с молотом радугой дуги.

В двери эти!
Стар и мал!
Вселенся, Третий
Интернационал!
[1920]

ВСЕМ ТИТАМ И ВЛАСАМ РСФСР

По хлебным пусть местам летит,
пусть льется песня басом.
Два брата жили. Старший Тит
жил с младшим братом Власом.

Был у крестьян у этих дом
превыше всех домишек.
За домом был амбар, и в нем
всегда был хлеба лишек.

Был младший, Влас, умен и тих.
А Тит был глуп, как камень.
Имба раз расплозлась у них,
пол гнется под ногами.

«Смерть без гвоздей, — промолвил Тит,
хоша мильон заплотишь,
не то, что хату сколотить,
и гроб не заколотить».

Тит горько плачет без гвоздей,
а Влас обдумал случай
и рек: «Чем зря искать везде,
езжай, брат, в город лучше».

Телега молнией летит.
Тит снарядился скоро.
Гвоздей достать поехал Тит
в большой соседний город.

Приехал в этот город Тит
и с грустью смотрит сильной:
труба чего-то не коптит
над фабрикой гвоздильной.

Вбегает за гвоздями Тит,
но в мастерской холодной
рабочий зря без дел сидит.
«Я, — говорит, — голодный.

Дай, Тит, рабочим хлеб взаймы,
мы здесь сидим не жравши,
а долг вернем гвоздями мы
крестьянам, хлеба давшим».

Взъярился Тит: «Не дам, не дам
я хлеба дармоеду.
Не дам я хлеба городам,
и без гвоздя доеду».

В село обратно Тит летит, —
от бега от такого
свалился конь. И видит Тит:
оторвалась подкова.

Пустяк ее приколотить,
да нету ни гвоздишка.
И стал в лесу в ночевку Тит,
и Тит, и лошадишка.

Нет ни коня, ни Тита нет...
Селом ходили толки,
что этих двух во цветке лет
в лесу сожрали волки.

Телега снова собралась.
Не вспомнив Тита даже,
в соседний город гонит Влас, —
нельзя им без гвоздя же.

Вбежал в гвоздильню умный Влас,
рабочий дышит еле.
«Коль хлеб не получу от вас,
умру в конце недели».

Влас молвил, Тита поумней.
«Ну что ж, бери, родимый,
наделаешь гвоздей и мне
ужо заплатишь ими».

Рабочий сыт, во весь свой пыл
в трубу дымище гонит.
Плуги, и гвозди, и серпы
деревне мчит в вагоне.

Ясней сей песни нет, ей-ей,
кривые бросим толки.
Везите, братцы, хлеб скорей,
чтоб вас не съели волки.
[1920]

**СКАЗКА О ДЕЗЕРТИРЕ,
УСТРОИВШЕМСЯ НЕДУРНЕНЬКО, И О ТОМ,
КАКАЯ УЧАСТЬ ПОСТИГЛА ЕГО САМОГО
И СЕМЬЮ ШКУРНИКА**

Хоть пока
 победила
 крестьянская рать,
хоть пока
 на границах мир,
но не время
 еще
 в землю штык втыкать,
красных армий
 ряды крепи!
Чтоб вовеки
 не смел
 никакой Керзон
брать на-пушку,
 горланить ноты, —
даже землю паша,
 помни
 сабельный звон,
помни
 марш
 атакующей
 роты.
Молодцом
 на коня боевого влазь,
по земле
 пехотинься пеший.
С неба
 землю всю
 глазами оглазь,
на железного
 коршуна
 севши.
Мир пока,
 но на страже
 красных годов
стой
 на нашей
 красной вышке.

Будь смел.
 Будь умел.
 Будь
 всегда
 готов
 первым
 ринуться
 в первой вспышке,
 Кто
 из вас
 не крещен
 военным огнем,
 кто считает,
 что шкурнику
 лучше?
 Прочитай про это,
 подумай о нем,
 вникни
 в этот сказочный случай.
 Защищая
 рабоче-крестьянскую Русь,
 встали
 фронтами
 красноармейцы.
 Но — как в стаде
 овца паршивая —
 трус
 и меж их
 рядами
 имеется.
 Жил
 в одном во полку
 Силеверст Рябой.
 Голова у Рябого —
 пробкова.
 Чуть пойдет
 наш полк
 против белых
 в бой,
 а его
 и не видно,
 робкого.
 Дело ясное:
 бьется рать,
 горяча,
 против
 барско-буржуйского ига.
 У Рябого ж
 слово одно:
 «Для ча
 буду
 я
 на рожон прыгать?»

Видят —
 выглядит
 дом
 аккуратненько.
 Тычет
 в хату Рябого
 исправничий
 перст,
 посылает занять
 урядника.
 Дурню
 снится сон:
 де в раю живет
 и галушки
 лопает тыщами.
 Вдруг
 как хватит
 его
 крокодил
 за живот!
 То урядник
 хватил
 сапожищами.
 «Как ты смеешь спать,
 такой рассякой,
 мать твою растак
 да разэтак!
 Я тебя запорю,
 я тебя засеку
 и повешу
 тебя
 напоследок!» —
 «Барин!» —
 взвыл Силеверст,
 а его
 кнутом
 хватъ помещик
 по сытой роже.
 «Подавай
 и себя,
 и поля,
 и дом,
 и жену
 помещику
 тоже!»
 И пошел
 прошибать
 Силеверста
 пот,
 вновь
 припомнил
 барщины мѹку,
 а жена его
 на дворе
 у господ

грудью
 кормит
 барскую суку.
 Сей истории
 прост
 и ясен сказ,—
 посмотри,
 как наказаны дурни;
 чтобы то же
 не стряслось и у вас, —
 да не будет
 меж вами
 шкурник.
 Нынче
 сына
 даем
 не царям на зарез, —
 за себя
 этот бóище
 начат.
 Провожая
 рекрутов
 молодолес,
 провожай поя,
 а не плача.
 Чтоб помещики
 вновь
 не взнудали вас,
 не в пример
 Силеверсту бедняге, —
 провожая
 сынов,
 давайте наказ:
 будьте
 верными
 красной присяге.

[1920—1923]

**РАССКАЗ ПРО ТО, КАК КУМА
 О ВРАНГЕЛЕ ТОЛКОВАЛА
 БЕЗ ВСЯКОГО УМА**

СТАРАЯ, НО ПОЛЕЗНАЯ ИСТОРИЯ

Врангель прет.	меж Москвой и Тверью.
Отходим мы.	Чуть не даром
Врангелю удача.	все
На базаре	в Твери
две кумы,	стало продаваться.
вставши в хвост, судачат:	Пуд крупчатки...
— Кум сказал, —	— Ну,
а в ём ума —	не ври! —
я-то куму верю, —	пуд за рупь за двадцать.
что барон-то,	— А вина, скажу я вам!
слышь, кума,	Дух над Тверью водочный.

Пьяных

лично

по домам
водит околоточный.
Влюблены в барона власть
левые и правые.
Ну, не власть, а прямо сладь,
просто — равноправие.

Встали, ртом лова ворон.
Скоро ли примчится?
Скоро ль будет царь-барон
и белая мучица?

Шел волшебник мимо их.
— На́, — сказал он бабе, —
скороходы-сапоги,
к Врангелю зашла бы! —
В миг обувшись,

шага в три
в Тверь кума на это.

Кум сбрыхнул ей:

во Твери
власть стоит советов.
Мчала баба суток пять,
рвала юбки в ветре,
чтоб баронский

увидать

флаг

на Ай-Петри.

Разогнавшись с дальних стран,
удержаться силась,
баба

прямо

в ресторан

в Ялте опустилась.

В «Грандотеле»

семгу жрет

Врангель толсторожий.

Разевает баба рот

на рыбешку тоже.

Метрдотель

желанья те

зрит —

и на подносе

ей

саженный метрдотель

карточку подносит.

Всё в копеечной цене.

Съехал сдуру разум.

Молвит баба:

— Дайте мне

всю программу разом! —

От лакеев мчится пыль.

Прошибает пот их.

Мчат котлеты и супы,

вина и компоты.

Уж из глаз еда течет

у разбухшей бабы!

Наконец-то

просит счет

бабин голос слабый.

Вся собралась публика.

Стали шелкать счеты.

Сто четыре рублика

выведено в счете.

Что такая сумма ей?!

Даром!

С неба манна.

Двести вынула рублей

баба из кармана.

Отскочил хозяин.

— Нет! —

(Бледность мелом в рожке.)

Наш-то рупь не в той цене,

наш в миллион дороже. —

Завопил хозяин лют:

— Знаешь разницу валют?!

Беспортошных нету тут,

генералы тута пьют! —

Возопил хозяин в яри:

— Это, тетка, что же!

Этак

каждый пролетарий

жрать захочет тоже. —

— Будешь знать, как есть и пить! —

все завывли в злости.

Стал хозяин тетку бить,

метрдотель

и гости.

Околоточный

на шум

прибежал из части.

Взвыла баба:

— Ой,

прошу,

защитите, власти! —

Как подняла власть сия

с шпорой сапожища...

Как полезла

мигом

вся

вспять

из бабы пища.

— Много, — молвит, — благ в Крыму
только для буржуа,
а тебя,

 мою куму,
в часть препровожу я. —

Влезла
 тетка
 в скороход

пред тюремной дверью,
как задала тетка ход —
в Эрэсэфэсэрю.

Бабу видели мою,
наши обыватели?
Не хотите
 в том раю
сами побывать ли?!
[1920]

СКАЗКА ДЛЯ ШАХТЕРА-ДРУГА ПРО ШАХТЕРКИ, ЧУНИ И КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Раз шахтеры
 шахты близ
распустили нони:
мол, шахтерки продрались,
обносились чуни.
Мимо шахты шел шептун.
Втерся тихим вором.
Нищету увидев ту,
речь повел к шахтерам:
«Большевиcтский этот рай
хуже, дескать, ада.
Нет сапог, а уголь дай.
Бастовать бы надо!
Что за жизнь, — не жизнь, а гроб...»
Вдруг

 забойщик ловкий
шептуна
 с помоста сгреб,
вниз спустил головкой.
«Слово мне позвольте взять!
Брось, шахтер, надежды!
Если будем так стоять, —
будем без одежды.
Не сошьет сапожки бог,
не обует ноженки.
Настоишься без сапог,
помощь ждя от боженки.
Чтоб одели голяков,
фабрик нужен ряд нам.
Дашь для фабрик угольков, —
будешь жить нарядным.
Эй, шахтер,

 куда ни глянь,
от тепла
 до света,
даже пища от угля —
от угля все это.
Даже с хлебом будет туго,
если нету угля.

Нету угля —
 нету плуга.
Пальцем вспашешь луг ли?
Что без угля будешь есть?
Чем еду посолишь?
Чем хлебá и соль привезть
без угля изволишь?
Вся страна разорена.
Где ж работать было,
если силой всей она
вражьи силы била?
Биты белые в боях.
Все за труд!
 За пользу!
Эй, рабочий,
 Русь твоя!
Возроди и пользуй!
Все добудь своей рукой —
сапоги,
рубаху!
Так махни ж, шахтер, киркой —
бей по углю смаху!..»

И призыв горячий мой
не дослушав даже,
забивать пошли забой,
что ни день — то сажень.
Сгреб отгребщик уголь вон,
вбил крепильщик клетку,
а по штрекам
 коногон
гонит вагонетки.

В труд ушедши с головой,
вагонетки эти
принимает стволовой,
нагружает клетки.
Вырвав тыщей дружных сил
из подземных сводов,

мчали уголь по Руси,
 черный хлеб заводов.
 Встал от сна России труп —
 ожила громада,
 дым дымит с фабричных труб,
 все творим, что надо.
 Сапоги для всех, кто бос,
 куртки всем, кто голы,
 развозил электровоз
 чрез леса и доли.
 И шахтер одет,
 обут,
 носом в табачишке.
 А еды! —
 Бери хоть пуд —

всякой снеди лишки.
 Жизнь привольна и легка.
 Светит уголь,
 греется.
 Всё у нас —
 до молока
 птичьего
 имеется.

Я, конечно, сказку сплел,
 но скажу для друга:
 будет вправду это все,
 если будет уголь!
 [1921]

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, краснозвездный герой!
 Землю кровью вымыв,
 во славу коммуны,
 к горе за горой
 шедший твердынями Крыма.
 Они проползали танками рвы,
 выпятив пушек шеи, —
 телами рвы заполняли вы,
 по трупам перейдя перешеек.
 Они
 за окопами взрыли окоп,
 хлестали свинцовой рекою, —
 а вы
 отобрали у них Перекоп
 чуть не голой рукою.
 Не только тобой завоеван Крым

и белых разбита орава, —
 удар твой двойной:
 завоевано им
 трудиться великое право.
 И если
 в солнце жизнь суждена
 за этими днями хмурыми,
 мы знаем —
 вашей отвагой она
 взята в перекопском штурме.
 В одну благодарность сливаем слова
 тебе,
 краснозвездная лава.
 Во веки веков, товарищи,
 вам —
 слава, слава, слава!
 [1920—1921]

О ДРЯНИ

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
 им
 довольно воздали дани.
 Теперь
 поговорим
 о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
 Подернулась тиной советская мешанина.
 И вылезло
 из-за спины РСФСР

мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)

Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменяв,
и засели во все учреждения.
Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне —
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
«Товарищ Надя!
К празднику прибавка —
24 тыщи.
Тариф.
Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!»
А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете?!»
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:

«Опутали революцию обывательщины нити.
 Страшнее Врангеля обывательский быт.
 Скорее
 головы канарейкам сверните —
 чтоб коммунизм
 канарейками не был побит!»
 [1920—1921]

НЕРАЗБЕРИХА

Лубянская площадь.
 На площади той,
 как грешные верблюды в конце мира,
 орут папиросники:
 «Давай, налетай!
 «Мурсал» рассыпной!
 Пачками «Ира»!

Никольские ворота.
 Часовня у ворот.
 Пропахла ладаном и елеем она.
 Тиха,
 что воды набрала в рот,
 часовня святого Пантелёймона.

Против Никольских — Наркомвнудел.
 Дела и люди со дна до крыши.
 Гремели двери,
 авто дудел.
 На площадь чекист из подъезда вышел.
 «Комиссар!!» — шепнул, увидев

наган,
 мальчишка один,
 юркий и скользкий,
 а у самого
 на Лубянской одна нога,
 а другая —
 на Никольской.
 Чекист по делам на Ильинку шел,
 совсем не в тот
 и не из того отдела, —
 весь день гоняя,

устал как вол.
 И вообще —
 какое ему до этого дело?!
 Мальчишка
 с перепугу
 в часовню шашь.
 Конспиративно закрестились
 папиросники.

Набились,
 аж яблоку негде упасть!
 Возрадовались святители,
 апостолы
 и постники.

Дивится Пантелёймон:
 — Уверовали в бога! —
 Дивится чекист:
 — Что они,
 очумели?! —
 Дивятся мальчишки:
 — Унесли, мол, ноги! —
 Наудивлялись все,
 аж успокоились еле.
 И вновь по-старому.
 В часовне тихо.
 Чекист по улицам гоняет лих.

Черт его знает какая неразбериха!
 А сколько их,
 таких неразберих?!
 [1921]

ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ СЛУЧАЯ

Ежедневно
 как вол жуя,
 стараясь за строчки драть, —
 я
 не стану писать про Поволжье:
 про ЭТО —
 страшно врать.
 Но я голодал,
 и тысяч лучше я
 знаю проклятое слово — «голодные!»

Вот два,
не совсем обычные, случая,
на ненависть к голоду самые годные.

Первый. —
Кто из петербуржцев
забудет 18-й год?!
Над дохлым лошадем воробы кружатся.
Лошадь за лошадью падает на лед.
Заколачиваются улицы ровные.
Хвостом виляя,
на перекрестках
собаки дрессированные
просили милостыню, визжа и лая.
Газетам писать не хватало духу —
но это ж передавалось изустно:
старик
удушил
жену-старуху
и ел частями.
Злился —
невкусно.
Слухи такие
и мрущим от голода,
и сытым сумели глотки свесть.
Из каждой поры огромного города
росло ненасытное желание есть.
От слухов и голода двигаясь еле,
раз
сам я,
с голодной тоской,
остановился у витрины Эйлера —
цветочный магазин на углу Морской.
Малы — аж не видно! — цветочные точки,
нули ж у цен
необъятны длиною!
По булке должно быть в любом лепесточке.
И вдруг,
смотрю,
меж витриной и мною —
фигурка человека.
Идет и валится.
У фигурки конская голова.
Идет.
И в собственные ноздри
пальцы
воткнула.
Три или два.
Глаза открытые мухи обсели,
а сбоку
жила из шеи торчала.
Из жилы
капли по улицам сеялись
и стыли чернó, кровянея сначала.
Смотрел и смотрел на ползущую тень я,
дрожа от сознания невыносимого,

что полуживотное это —
виденье! —
что это
людей вымирающих символ.
От этого ужаса я — на попятный.
Ищу машинально чернеющий след.
И к туше лошажьей приплелся по пятнам.
Где ж голова?
Головы и нет!
А возле
с каплями крови присохлой,
блестел вершок перочинного ножичка —
должно быть,
тот
работал над дохлой
и толстую шею кромсал понемножечко.
Я понял:
не символ,
стихом позолоченный,
людская
реальная тень прошагала.
Быть может,
завтра
вот так же точно
я здесь заработаю, скалясь шакалом.

Второй. —
Из мелочи выросло в это.
Май стоял.
Позапрошлое лето.
Весною ширишь ноздри и рот,
ловя бульваров дыханье липовое.
Я голодал,
и с другими
в черед
встал у бывшей кофейни Филиппова я.
Лет пять, должно быть, не был там,
а память шепчет еле:
«Тогда
в кафе
журчал фонтан
и плавали форели».
Вздуваемый памятью рос аппетит;
какой ни на есть,
но по крайней мере —
обед.
Как медленно время летит!
И вот
я втиснут в кафеинные двери.
Сидели
с селедкой во рту и в посуде,
в селедке рубахи,
и воздух в селедке.
На черта ж весна,
если с улиц
люди

от лип
 сюда влипают все-таки!
 Едят,
 дрожа от голода голого,
 вдыхают радостью душище едкий,
 а нищие молят:
 подайте головы.
 Дерясь, получают селедок обѣдки.

Кто б вспомнил народа российского имя,
 когда б не бросали хребты им в горсточку?!
 Народ бы российский
 сегодня же вымер,
 когда б не нашлось у селедки косточки.
 От мысли от этой
 сквозь грызшихся кучку,
 громя кулаком по ораве зверьей,
 пробился,
 схватился,
 дернул за ручку —
 и выбег,
 селедкой обмазан —
 об двери.

Не знаю,
 душа пропахла,
 рубаха ли,
 какими водами дух этот смою?
 Полгода
 звезды селедкою пахли,
 лучи рассыпая гнилой чешуею.

Пускай,
 полусытый,
 доволен я нынче:
 так, может, и кончусь, голод не видя, —
 к нему я
 ненависть в сердце вынянчил,
 превыше всего его ненавюдя.
 Подальше прочую чушь забрось,
 когда человека голодом сводит.
 Хлеб! —
 вот это земная ось:
 на ней вертеться и нам и свободе.
 Пусть бабы баранки на Трубной нижут,
 и ситный лари Смоленского ломит, —
 я день и ночь Поволжье вижу,
 солому жующее, лежа в соломе.
 Трубите ж о голоде в уши Европе!
 Делитесь и те, у кого немного!
 Крестьяне,
 роите пашен окопы!
 Стреляйте в него
 мешками налога!
 Гоните стихом!
 Тесните пьесой!

Вперед врачей целебных взводы!
 Давите его дымовую завесой!
 В атаку, фабрики!
 В ногу, заводы!
 А если
 воплю голодных не внемлешь, —
 чужды чужие голод и жажда вам, —
 он
 завтра
 нагрянет на наши земли ж
 и встанет здесь
 за спиною у каждого!
 [1921]

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ

Сапоги почистить — 1 000 000.
 Состояние!
 Раньше б дом купил —
 и даже неплохой.

Привыкли к миллионам.
 Даже до луны расстояние
 советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня черт
 писать один отчет.
 «Что это такое?» —
 спрашивает с тоскою
 машинистка.
 Ну, что отвечу ей?!
 Черт его знает, что это такое,
 если сзади
 у него
 тридцать семь нулей.
 Недавно уверяла одна дура,
 что у нее
 тридцать девять тысяч семь сотых температура.
 Так привыкли к этаким числам,
 что меньше сажени число и не мыслим.
 И нам,
 если мы на митинге реведем,
 рамки арифметики, разумеется, ўзки —
 все разрешаем в масштабе мировом.
 В крайнем случае — масштаб общерусский.
 «Электрификация!?» — масштаб всероссийский.
 «Чистка!» — во всероссийском масштабе.
 Кто-то
 даже,
 чтоб избежать переписки,
 предлагал —
 сквозь землю
 до Вашингтона кабель.

Иду.
 Мясницкая.
 Ночь глуха.
 Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
 Сзади с тележкой баба.
 С вещами
 на Ярославский
 хлопает по ухабам.
 Сбивают ставшие в хвост на галоши;
 то грузовик обдаст,
 то лошадь.
 Балансируя
 — четырехлетний навык! —
 тащусь меж канавищ,
 канав,
 канавок.
 И то
 — на лету вспоминая маму —
 с размаху
 у почтамта
 плюхаюсь в яму.
 На меня тележка.
 На тележку баба.
 В грязи ворочаемся с боку на бок.
 Что бабе масштаб грандиозный наш?!
 Бабе грязью обдало рыло,
 и баба,
 взбираясь с этажа на этаж,
 сверху
 и меня
 и власти крыла.
 Правдив и свободен мой вещий язык
 и с волей советскою дружен,
 но, натолкнувшись на эти низы,
 даже я запнулся, сконфужен.
 Я
 на сложных агитвопросах рос,
 а вот
 не могу объяснить бабе,
 почему это
 о грязи
 на Мясницкой
 вопрос
 никто не решает в общемясницком масштабе?!
 [1921]

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ

Это вам —
 упитанные баритоны —
 от Адама
 до наших лет,
 потрясающие театрами именуемые
 притоны
 ариями Ромео и Джульетт.

Это вам —
 пентры,
 раздобревшие как кони,
 жрущая и ржущая России краса,
 прячущаяся мастерскими,
 по-старому драконя
 цветочки и телеса.

Это вам —
 прикрывшиеся листиками мистики,
 лбы морщинками изрыв —
 футуристики,
 имажинистики,
 акмеистики,
 запутавшиеся в паутине рифм.

Это вам —
 на растрепанные сменившим
 гладкие прически,
 на лапти — лак,
 пролеткультицы,
 кладущие заплатки
 на вылинявший пушкинский фрак.

Это вам —
 пляшущие, в дуду дующие,
 и открыто предающиеся,
 и грешащие тайком,
 рисующие себе грядущее
 огромным академическим пайком.

Вам говорю
 я —
 гениален я или не гениален,
 бросивший безделушки
 и работающий в Росте,
 говорю вам —
 пока вас прикладами не прогнали:
 Бросьте!

Бросьте!
 Забудьте,
 плюньте
 и на рифмы,
 и на арии,

и на розовый куст,
 и на прочие мелехлондии
 из арсеналов искусств.
 Кому это интересно,
 что — «Ах, вот бедненький!
 Как он любил
 и каким он был несчастным...»?
 Мастера,
 а не длинноволосые проповедники
 нужны сейчас нам.
 Слушайте!
 Паровозы стонут,
 дует в щели и в пол:
 «Дайте уголь с Дону!
 Слесарей,
 механиков в депо!»

У каждой реки на истоке,
 лежа с дырой в боку,
 пароходы провляли доки:
 «Дайте нефть из Баку!»
 Пока канителим, спорим,
 смысл сокровенный ища:
 «Дайте нам новые формы!» —
 несется вопль по вещам.

Нет дураков,
 ждя, что выйдет из уст его,
 стоять перед «маэстрами» толпой
 разинь.

Товарищи,
 дайте новое искусство —
 такое,
 чтобы выволочь республику из
 грязи.

[1921]

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
 вижу каждый день я:
 кто в глав,
 кто в ком,
 кто в полит,
 кто в просвет,
 расходится народ в учрежденья.
 Обдают дождем дела бумажные,
 чуть войдешь в здание:
 отобрав с полсотни —
 самые важные! —
 служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
 «Не могут ли аудиенцию дать?
 Хожу со времени бна». —

СТИХОТВОРЕНИЯ (1926—1930)

КРАСНОДАР

Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
 про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!
Вымыл все февраль
 и вымел —
не февраль,
 а прачка,
и гуляет
 мостовыми
разная собачка.
Подпрыгивают фоксы —
показывают фокусы.
Кроме лапок,
 вся, как вакса,
низко пузом стелется,
волочит
 вразвалку
 такса

длинненькое тельце.
Бегут,
 трусят дворняжечки —
мохнатенькие ляжечки.
Лайка
 лает,
 взвивши нос,
на прохожих Ванечек;
пес такой
 уже не пес,
это —
 одуванчик.
Легаша,
 сетерá,
мопсики, этцетерá.
Даже
 если
 пара луж,
в лужах
 сотня солнц юлится.
Это ж
 не собачья глушь,
а собачкина столица.
[1926]

СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Погода такая,
 что маю впору.
Май —
 ерунда.
Настоящее лето.
Радуетесь всему:
 носильщику,
 контролеру
билетов.
Руку
 само
 подымает перо,

и сердце
 вскипает
 песенным даром.
В рай
 готов
 расписать перрон
Краснодара.
Тут бы
 запеть
 соловьё-трелёру.
Настроение —
 китайская чайница!

И вдруг	Как здоровьице?
на стене:	Как детки? —
— Задавать вопросы	Прошел я,
контролеру	глаза
строго воспрещается! —	к земле низя́,
И сразу	только подхихикнул,
сердце за удилá.	ища покровительства.
Соловьев	И хочется задать вопрос,
камнями с ветки.	а нельзя —
А хочется спросить:	еще обидятся:
— Ну, как дела?	правительство!

[1926]

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли,
 как говорится,
 в мир в иной.
 Пустота...
 Летите,
 в звезды врезываясь.
 Ни тебе аванса,
 ни пивной.
 Трезвость.
 Нет, Есенин,
 это
 не насмешка.
 В горле
 горе комом —
 не смешок.
 Вижу —
 взрезанной рукой помешкав,
 собственных
 костей
 качаете мешок.
 — Прекратите!
 Бросьте!
 Вы в своем уме ли?
 Дать,
 чтоб щеки
 заливал
 смертельный мел?!
 Вы ж
 такое
 загибать умели,
 что другой
 на свете
 не умел.
 Почему?
 Зачем?
 Недоуменье смяло.
 Критики бормочут:
 — Этому вина

то...
 да сё...
 а главное,
 что смычки мало,
 в результате
 много пива и вина. —
 Дескать,
 заменить бы вам
 богему
 классом,
 класс влиял на вас,
 и было б не до драк.
 Ну, а класс-то
 жажду
 заливает квасом?
 Класс — он тоже
 выпить не дурак.
 Дескать,
 к вам приставить бы
 кого из напостóв —
 стали б
 содержанием
 премного одарённей.
 Вы бы
 в день
 писали
 строк по стó,
 утомительно
 и длинно,
 как Доронин.
 А по-моему,
 осуществись
 такая бредь,
 на себя бы
 раньше наложили руки.
 Лучше уж
 от водки умереть,
 чем от скуки!
 Не откроют
 нам
 причин потери
 ни петля,
 ни ножик перочинный.
 Может,
 окажись
 чернила в «Англетере»,
 вены
 резать
 не было б причины.
 Подражатели обрадовались:
 бис!
 Над собою
 чуть не взвод
 расправу учинил.

Надо
вырвать радость
у грядущих дней.
В этой жизни помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.
[1926]

**МАРКСИЗМ — ОРУЖИЕ,
ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД.
ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ
МЕТОД ЭТОТ!**

Штыками	и ходит за ней,
закрепляет	как за няней.
рабочая рать.	Бытьё —
А некоторые	а у этого — еда и питье
употребляют штык,	определяет сознание.
чтоб им	Перелистывая
в зубах ковырять.	авторов
Все хорошо:	на букву «эл»,
поэт поет,	фамилию
критик	Лермонтова
занимается критикой.	встретя,
У стихотворца —	критик выясняет,
корытце свое,	что́ он ел
у критика —	на первое
свое корытико.	и что́ — на третье.
Но есть	— Шампанское пил?
не имеющие ничего,	Выпивал, допустим.
окромя	Налет буржуазный густ.
красивого почерка.	А его
А лезут	любовь
в книгу,	к маринованной капусте
хваля	доказывает
и грома	помещичий вкус.
из пушки	В Лермонтове, например,
критического очерка.	чтоб далеко не идти,
А чтоб	смысла
имелось	не больше,
научное лицо	чем огурцов в акации.
у этого	Целые
вздора злопыханного —	хоры
всегда	небесных светил,
на столе	и ни слова
покрытый пылью	об электрификации.
неразрезанный том	Но,
Плеханова.	очищая ядро
Зазубрит фразу	от фразерских корок,
(ишь, ребятыё!)	бобы —
	от шелухи лиризма,

Строчку
 чужую
 вставит — и рад.
 Это
 обычное
 воровство и растрата
 среди охвативших страну растрат.
 Эти
 сегодня
 стихи и оды,
 в аплодисментах
 ревомяе ревя,
 войдут
 в историю
 как накладные расходы
 на сделанное
 нами —
 двумя или тремя.
 Пуд,
 как говорится,
 соли столовой
 съешь
 и сотней папирос клуби,
 чтобы
 добыть
 драгоценное слово
 из артезианских
 людских глубин.
 И сразу
 ниже
 налога рост.
 Скиньте
 с обложенья
 нуля колесо!
 Рубль девяносто
 сотня папирос,
 рубль шестьдесят
 столовая соль.
 В вашей анкете
 вопросов масса:
 — Были выезды?
 Или выездов нет? —
 А что,
 если я
 десяток пегасов
 загнал
 за последние
 15 лет?!
 У вас —
 в мое положение войдите —
 про слуг
 и имущество
 с этого угла.

А что,
 если я
 народа водитель
 и одновременно —
 народный слуга?
 Класс
 гласит
 из слова из нашего,
 а мы,
 пролетарии,
 двигатели пера.
 Машину
 души
 с годами изнашиваешь.
 Говорят:
 — в архив,
 исписался,
 пора! —
 Все меньше любитя,
 все меньше дерзается,
 и лоб мой
 время
 с разбега крушит.
 Приходит
 страшнейшая из амортизаций —
 амортизация
 сердца и души.
 И когда
 это солнце
 разжиревшим боровом
 взойдет
 над грядущим
 без нищих и калек, —
 я
 уже
 сгнию,
 умерший под забором,
 рядом
 с десятком
 моих коллег.
 Подведите
 мой
 посмертный баланс!
 Я утверждаю
 и — знаю — не налгу:
 на фоне
 сегодняшних
 дельцов и пролаз
 я буду
 — один! —
 в непролазном долгу.
 Долг наш —
 реветь
 медногорлой сиреной

ласка
 и лозунг,
 и штык,
 и кнут.
 Гражданин фининспектор,
 я выплачу пять,
 все
 нули
 у цифры скрестя!
 Я
 по праву
 требую пядь
 в ряду
 беднейших
 рабочих и крестьян.
 А если
 вам кажется,
 что всего делов —
 это пользоваться
 чужими словесами,
 то вот вам,
 товарищи,
 мое стилó,
 и можете
 писать
 сами!

[1926]

МОСКОВСКИЙ КИТАЙ

Чжан Цзо-лин
 да У Пей-фу
 да Суй да Фуй —
 разбирайся,
 от усилий в мыле!
 Натощак
 попробуй
 расшифруй
 путаницу
 раскитаенных фамилий!

Эта жизнь
 отплыла сновиденьем,
 здесь же —
 только звезды
 поутру утрут —
 дым
 уже
 встает над заведением:
 «Китайский труд».
 Китаец не рыба,
 не воробей на воротах,

Но мы
 не предадим
 кустарям-одиначкам
 ни лозунг,
 ни сирену,
 ни киноаппарат.
 Наша
 в коммуны
 не иссякнет вера.
 Во имя коммуны
 жмись и мнись.
 Каждое
 сегодняшнее дело
 меряй,
 как шаг
 в электрический,
 в машинный коммунизм.
 Довольно домашней,
 кустарной праздности!
 Довольно
 изделий ловких рук!
 Федерация муз
 в смертельной опасности —
 в опасности слово,
 краска
 и звук.

[1926]

ВЗЯТОЧНИКИ

Дверь. На двери —
 «Нельзя без доклада».
 Под Марксом,
 в кресло вкресленный,
 с высоким окладом,
 высок и гладок,
 сидит
 облеченный ответственный.
 На нем
 контрабандный подарок — жилет,
 в кармане —
 ручка на страже,
 в другом
 уголочком торчит билет
 с длиннющим
 подчищенным стажем.
 Весь день —
 сплошная работа уму.
 На лбу —
 непролазная дума:
 кому
 ему
 устроить куму,
 кому приспособить кума?

Он всюду
 пристроил
 мелкую сошку,
 везде
 у него
 по лазутчику.
 Он знает,
 кому подставить ножку
 и где
 иметь заручку.
 Каждый на месте:
 невеста —
 в тресте,
 кум —
 в Гум,
 брат —
 в наркомат.
 Все шире периферия родных,
 и
 в ведомостичках узких
 не вместишь
 всех сортов наградных —
 спецставки,
 тантъемы,
 нагрузки!
 Он специалист,
 но особого рода:
 он
 в слове
 мистику стер.
 Он понял буквально
 «братство народов»
 как счастье братьев,
 тётъ
 и сестер.
 Он думает:
 как сократить ему штаты?
 У Кэт
 не глаза, а угли...
 А, может быть,
 место
 оставить для Наты?
 У Наты формы округлей.
 А там
 в приемной —
 сдержанный гул,
 и воздух от дыма спирается.
 Ответственный жмет плечьями:
 — Не могу!
 Нормально...
 Дела разбираются!
 Зайдите еще
 через день-другой... —
 Но дней не дожидаться жданных.

Напрасно
 проситель
 согнулся дугой.
 — Нельзя...
 Не имеется данных! —
 Пока поймет!
 Обшаркав паркет,
 порывшись в своих чемоданах,
 проситель
 кладет на суконце пакет
 с листами
 новейших данных.
 Простился.
 Ладонью пакет заслоня
 — взрумянились щеки-пончики, —
 со сладострастием,
 пальцы слюня,
 мерзавец
 считает червончики.
 А давший
 по учрежденью орет,
 от правильной гневности красен:
 — Подать резолюцию! —
 И в разворот
 — во весь! —
 на бумаге:
 «Согласен»!
 Ответственный
 мчит
 в какой-то подъезд.
 Машину оставил
 по праву.
 Ответственный
 ужин с любовницей ест,
 ответственный
 хлещет «Абрау».
 Любовницу шиплет,
 весел и хитр.
 — Вот это
 подарочки Сонечке:
 Вот это, Сонечка,
 вам на духи.
 Вот это
 вам на кальсончики... —
 Такому
 в краже рабочих тыщ
 для ширмы октябрьское зарево.
 Он к нам пришел,
 чтоб советскую нищу
 на кабаки разбазаривать.
 Я
 белому
 руку, пожалуй, дам,
 пожму, не побрезгав ею.

Чин лица
 не упомнишь никак:
 главшвейцар
 или помистопника.
 А этому чину
 домами знакома
 мамаша
 машинистки секретаря райкома.
 У дочки ее
 большущие связи:
 друг во ВЦИКе
 (шофер в автобазе!),
 а Петров, говорят,
 развозит мужчину,
 о котором
 все говорят шепоточком, —
 маленького роста,
 огромного чина.
 Словом —
 он...
 Не решаюсь...
 Точка.

2

Тихий Михин
 пойдет к дворничихе.
 «Прошу покорненько,
 попросите дворника».
 Дворник стукнется
 к тетке заступнице.
 Тетка Фелиция
 шушукнет в милиции.
 Квартхоз Овечко
 замолвит словечко.
 А главшвейцар —
 да Винчи с лица,
 весь в бороде,
 как картина в раме, —
 прямо
 пойдет
 к машинисткиной маме.
 Просьбу
 дочь
 передает огласке:
 глазки да ласки,
 ласки да глазки...
 Кого не ловили на такую аферу?
 Куда ж удержаться простаку-шоферу!
 Петров подождет,
 покамест,
 как солнце,
 персонье лицо расперсонится:
 — Простите, товарищ,
 извинений тысячка... —

И просит
 и молит, ласковой лани.
 И чин снисходит:
 — Вот вам записочка. —
 А в записке —
 исполнение всех желаний.

3

А попробуй —
 полазий
 без родственных связей!
 Покроют дворники
 словом черненьким.
 Обложит белолица
 тетя Фелиция.
 Подвернется нога,
 перервутся нервы
 у взвидевших наган
 и усы милиционеров.
 В швейцарской судачат:
 — И не лезь к совету:
 все на даче,
 никого нету. —
 И мама сама
 и дитя-машинистка,
 невинность блюда,
 не допустят близко.
 А разных главных
 неуловимо
 шоферы
 возят и возят мимо.
 Не ухватишь —
 скользкие, —
 не люди, а налимы.
 «Без доклада воспрещается». Куда ни глянь,
 «И пойдут они, солнцем палимы,
 И застонут...»
 Дело дрянь!
 Кто бы ни были
 сему виновниками
 — сошка маленькая
 или крупный кит, —
 разорвем
 сплетенную чиновниками
 паутину кумовства,
 протекций,
 волоки.

[1926]

СТИХИ ДЕТЯМ (1925—1929)

СКАЗКА О ПЕТЕ, ТОЛСТОМ РЕБЕНКЕ, И О СИМЕ, КОТОРЫЙ ТОНКИЙ

Жили были
Сима с Петей.
Сима с Петей
были дети.

Пете 5,
а Симе 7 —
и 12 вместе всем.

1

Петин папа
был преважным:

в доме жил пятиэтажном
и, как важный господин,
в целом доме

жил один.

Очень толстый,
очень лысый,
злее самой злошей крысы.

В лавке сладью торговал,
даром сласти не давал.

Сам себе под вечер в дом
сто пакетов нес с трудом,
а за папой,

друг за другом,

сто корзи́н несет прислуга.
Ест он,

с Петею деля,
мармелад и кренделя.

Съест

и ручкой маме машет:

— Положи еще, мамаша! —

Петя

взял

варенье в вазе,

прямо в вазу мордой лазит.

Грязен он, по-моему,

как ведро с помоями.

Ест он целый день,

и глядь —

Пете некогда гулять.

С час поковыряв в носу,

спит в двенадцатом часу.

Дрянь и Петя

и родители:

общий вид их отвратителен.

Ясно

даже и ежу —

этот Петя

был буржуй.

2

Сима

тоже

жил с отцом,

залихватским кузнецом.

Папа — сильный,

на заводе

с молотками дружбу водит.

Он в любую из минут

подымает пальцем пуд.

Папа явится под вечер,

поздоровавшись для встречи,

скажет маме:

— Ну-ка,

щи

нам с товарищем тащи! —

Кашу съев

да щи с краюшкой,

пьют чай цветастой кружкой.

У рабочих денег нету.

Симе

в редкость есть конфету.

Но зато

она и слаще,

чем для Пети

целый ящик.

Чай попив,

во весь опор

Сима с папой
мчат во двор.

Симин папа
всех умнее,
всё на свете он умеет.
Колесо нашёл

и рад,
сделал Симе самокат.
Сима тоже деловит:
у него серьёзный вид.
Хоть ручонки и тонки,
трудится вперегонки.
Из мешка,

на радость всем,
Сима сам смастачил шлем.
Красную надел звезду,
Сима всех сумел бы вздуть!
Да не хочет —

не дерется!
Друг ребячьего народца.
Сима чистый,
чище мыла.

Мылся сам,
и мама мыла.

Вид у Симы крепыша,
пышет, радостью дыша.
Ровно в восемь
Сима спит.

Спит, как надо —
не сопит.
Птицы с песней пролетали,
пели:

«Сима — пролетарий!»

3

Петя,
выйдя на балкончик,
жадно лопал сладкий пончик:
словно дождик по трубе,
лёт варенье по губе.
Четверней лохматых ног
шел мохнатенький щенок.
Сел.

Глаза на Петю вскинул:
— Дай мне, Петя, половину!
При моем щенячьем росте
не угрызть мне толстой кости.
Я сильнее прочих блюд
эти пончики люблю.
Да никак не купишь их:
заработков никаких. —
Но у Пети
грозный вид.
Отвернуться норовит.

Не упросишь этой злюни.
Щен сидит,
глочает слюни.

Невтерпеж,
поднялся —
скок,
впился в пончиковый бок.

Петя,
посинев от злости,
отшвырнул щенка за хвостик.
Нос

и четверо колен
об земь в кровь расквасил щен.
Омочив слезами садик,
сел щенок на битый задик.
Изо всех щенячьих сил
нищий щен заголосил:
— Ну, и жизнь —

не пей, не жуй!
Обижает нас буржуй.
Выйди, зверь и птичка!
Накажи обидчика! —
Вдруг,

откуда ни возьмись,
сто ворон слетают вниз.
Весь оскаленный, шакал
из-за леса пришагал.
За шакалом

волочится
разужасная волчица.
А за ней,

на три версты
распустив свои хвосты,
два огромных крокодила.
Как их мама уродила?!
Ощетинивши затылки,
выставляя зубы-вилки
и подняв хвостища-плетки,
подступают звери к Пете.
— Ах, жадаба!

Ах ты, злюка!
Уязви тебя гадука!
Ах ты, злюка!

Ах, жадаба!
Чтоб тебя сожрала жаба!
Мы

тебя
сию минутку,
как поджаренную утку,
так съедим

или иначе.
Угнетатель ты зверячий! —
И шакал,
как только мог,

хватъ пузана
 за пупок!
 Тут
 на Петю
 понемногу
 крокодил нацелил ногу
 и брыкнул,
 как футболист.
 — Уходи!
 Катись!
 Вались! —
 Плохо Пете.
 Пете больно.
 Петя мчит,
 как мяч футбольный.
 Долетел,
 от шишек страшный,
 аж
 до Сухаревой башни.
 Для принятья строгих мер —
 к Пете милиционер.
 Говорит он грозно Пете:
 — Ты ж не на велосипеде!
 Что ты скачешь, дрянный мальчик?
 Ты ведь мальчик,
 а не мячик.
 Беспорядки!
 Суший яд —
 дети этих буржуют!
 Образина милая,
 как твоя фамилия? —
 Петя стал белей, чем гусь:
 — Петр Буржуйчиков зовусь.
 — Где живешь,
 мальчишка гадкий?
 — На Собачьевой
 площадке. —
 Собеседник Петю взял,
 вчетверо перевязал,
 затянул покрепче узел,
 поплевал ему на пузо.
 Грозно
 вынул
 страшный страж
 свой чернильный карандаш,
 вывел адрес без помарки.
 Две
 на зад
 наклеил марки,
 а на нос
 — не зря ж торчат! —
 сургучовую печать.
 Сунул Петю
 за щеку

почтовому ящику.
 Щелка узкая в железе,
 Петя толст —
 пищит, да лезет.
 — Уважаемый папаша,
 получайте
 чадо ваше!
 4
 Сказка сказкой,
 а щенок
 ковылял четверкой ног.
 Ковылял щенок,
 а мимо
 проходил известный Сима,
 получивший
 от отца
 что-то вроде леденца.
 Щений голод видит Сима,
 и ему
 невыносимо.
 Крикнул,
 выпятивши грудь:
 — Кто посмел щенка отлудь?
 Объявляю
 к общей гласности:
 все щенята
 в безопасности!
 Я защитник слабого
 и четверолапого. —
 Взял конфету из-за щек.
 — Нá, товариш!
 ешь, щенок! —
 Проглотил щенок
 и стал
 кланяться концом хвоста.
 Сел на ляжечки
 и вот
 Симе лапу подает.
 — Спасибо
 от всей щенячьей души!
 Люби бедняков,
 богатых круши!
 Узнается из конфет,
 добрый мальчик
 или нет.
 Животные домашние —
 тебе
 друзья всегдашние. —
 Замолчал щенок,
 и тут
 появляется верблюду.
 Зад широкий,
 морда ўже,

весь из шерсти из верблюжьей.

— Я

рабочий честный скот,
вот штаны,

и куртка вот!

Чтобы их тебе принести,

сам

на брюхе

выстриг шерсть.

А потом пришел рабочий,

взял с собою

шерсти клочья.

Чтобы шерсть была тонка,
день работал у станка. —

За верблюдиной баранчик
преподносит барабанчик
собственного пузыря.

— Барабаньте, чуть заря! —

А ближайший красный мак,
цветший, как советский флаг,
не подавши даже голоса,
сам

на Симу прикололся.

У зверей

восторг на морде:

— Это

Симе

красный орден! —

Смех всеобщий пять минут.

В это время,

тут как тут,

шла четверка

из ребят,

развеселых октябрят.

Ходят час,

не могут стать.

— Где нам пятого достать?

Как бы нам помножиться? —

Обернули рожицы.

Тут фигура Симина.

— Вот кто нужен именно! —

Храбрый,

добрый,

сильный,

смелый!

Видно — красный,

а не белый.

И без всяких разногласий

обратился к Симе Вася:

— Заживем пятеркой братской,

звездочкою октябрятской? —

Вася,

Вера,

Оля,

Ваня

с Симой ходят, барабаня.

Щеник,

радостью пылая,
впереди несется, лая.

Перед ними

автобусы

рассыпаются, как бусы.

Вся милиция

как есть

отдает отряду честь.

5

Сказка сказкою,

а Петя

едет, как письмо, в пакете.

Ехал долго он и еле

был доставлен в две недели.

Почтальон промеж бумажками

сунул в сумку вверх торماشками.

Проработав три часа,

начал путать адреса.

Сдал, разиня из разинь,

не домой, а в магазин.

Петя,

скисши от поста,

распечатался и встал.

Петя

плоский, как рубли.

Он уже не шар,

а блин.

Воскресенье —

в лавке пусто.

Петя

вмиг приходит в чувство

и, взглянув на продовольствие,

расплывается от удовольствия.

Рот раскрыл,

слюна на нем.

— Ну, — сказал, —

с чего начнем?

Запустил в конфеты горсти

и отправил в рот для скорости.

Ел он, ел

и еле-еле

все прикончил карамели.

Петя, переевши сладь,

начал в пасть закуски класть

и сожрал по сей причине

все колбасы и ветчины.

Худобы в помине нет,

весь налился,

как ранет.

Все консервы Петя ловкий

скушал вместе с упаковкой.

монпасье
 с доставкой на дом.
 Льет и сыплет,
 к общей радости,
 булки всякие
 и сладости.
 Смех средь маленького люда:
 — Вот так чудо!
 чудо-юдо!
 Нет,
 не чудо это, дети,
 а — из лопнувшего Пети.
 Все, что лопал Петя толстый,
 рассыпается на версты.
 Ливнем льет
 и валит валом —
 так беднягу разорвало.
 Масса хлеба,
 сласти масса —
 и сосиски,
 и колбасы!

Сели дети,
 и отряд
 съел с восторгом всё подряд.
 Пир горою и шенку:
 съест
 и вновь набьет щеку —
 кожейцу от колбаски.
 Кончен пир —
 конец и сказке.
 Сказка сказкою,
 а вы вот
 сделайте из сказки вывод.
 Полюбите, дети, труд —
 как написано тут.
 Защищайте
 всех, кто слаб,
 от буржуевых лап.
 Вот и вырастете —
 истыми
 силачами-коммунистами.
 [1925]

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Крошка сын
 к отцу пришел,
 и спросила кроха:
 — Что такое
 х о р о ш о
 и что такое
 п л о х о? —
 У меня
 секретов нет, —
 слушайте, детишки, —
 папы этого
 ответ
 помешаю
 в книжке.
 — Если ветер
 крыши рвет,
 если
 град загрохал, —
 каждый знает —
 это вот
 для прогулок
 плохо.
 Дождь покапал
 и прошел.

Солнце
 в целом свете.
 Это —
 очень хорошо
 и большим
 и детям.
 Если
 сын
 чернее ночи,
 грязь лежит
 на рожнице, —
 ясно,
 это
 плохо очень
 для ребячьей кожицы.
 Если
 мальчик
 любит мыло
 и зубной порошок,
 этот мальчик
 очень милый,
 поступает хорошо.

Если бьет
 дрянной драчун
 слабого мальчишку,
 я такого
 не хочу
 даже
 вставить в книжку.

Этот вот кричит:
 — Не трожь
 тех,
 кто меньше ростом! —
 Этот мальчик
 так хорош,
 загляденье просто!

Если ты
 порвал подряд
 книжицу
 и мячик,
 октябрюта говорят:
 плоховатый мальчик.

Если мальчик
 любит труд,
 тычет
 в книжку
 пальчик,
 про такого
 пишут тут:
 он
 хороший мальчик.

От вороны
 карапуз
 убежал, заохав.
 Мальчик этот
 просто трус.
 Это
 очень плохо.

Этот,
 хоть и сам с вершок,

спорит
 с грозной птицей.
 Храбрый мальчик,
 хорошо,
 в жизни
 пригодится.

Этот
 в грязь полез
 и рад,
 что грязна рубаха.
 Про такого
 говорят:
 он плохой,
 неряха.

Этот
 чистит валенки,
 моет
 сам
 галоши.

Он
 хотя и маленький,
 но вполне хороший.
 Помни
 это
 каждый сын.

Знай
 любой ребенок:
 вырастет
 из сына
 свин,
 если сын —
 свиненок.

Мальчик
 радостный пошел,
 и решила кроха:
 «Буду
 делать х о р о ш о,
 и не буду —
 п л о х о».

[1925]

ПОЭМЫ

ОБЛАКО В ШТАНАХ ТЕТРАПТИХ

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрómив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!

Приходите учиться —
из гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.

И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.

Хотите —
буду от мяса бешеный
— и, как небо, меняя тона —
хотите —
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а — облако в штанах!
Не верю, что есть цветочная Ницца!
Мною опять славословятся
мужчины, залежанные, как больница,
и женщины, истрепанные, как пословица.

1

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре», — сказала Мария.

Восемь.
Девять.
Десять.

Вот и вечер
в ночную жуть
ушел от окон,
хмурый,
декабрь.

В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!

Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце — холодной железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское.

И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая —
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.

Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицом в его лицо рябое,
жду,
обрызганный громом городского прибора.

Полночь, с ножом мечась,
догна́ла,
зарезала, —
вон его!

Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.

В стеклах дождинки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.

Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.

Слышу:
тихо,
как больной с кровати,
спрыгнул нерв.
И вот, —
сначала прошелся
едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.

Рухнула штукатурка в нижнем этаже.

Нервы —
большие,
маленькие,
многие! —
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!

А ночь по комнате тинится и тинится, —
из тины не вытянуться отяжелевшему глазу.

Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».

Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!

Как пульс
покойника.

Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», —
а я одно видел:
вы — Джиоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Опять влюбленный выйду в игры,
огнем озаряя бровей загиб.
Что же!
И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!

Дразните?
«Меньше, чем у нищего копеек,
у вас изумрудов безумий».
Помните!
Погибла Помпея,
когда раздразили Везувий!

Эй!
Господа!
Любители
святотатств,
преступлений,
боев, —
а самое страшное
видели —
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?

И чувствую —
«я»
для меня малó.
Кто-то из меня вырывается упрямо.

Алло!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле, —

ему уже некуда деться.
Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

Люди нюхают —
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горящее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезнённые бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!

На лице обгорающем
из трещины губ
обугленный поцелуишко броситься вырос.

Мама!
Петь не могу.
У церковки сердца занимается клирос!

Обгорелые фигурки слов и чисел
из черепа,
как дети из горящего здания.
Так страх
схватиться за небо
высил
горящие руки «Лузитании».
Трясущимся людям
в квартирное тихо
стоглазое зарево рвется с пристани.
Крик последний, —
ты хоть
о том, что горю, в столетия выстони!

2

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю «nihil»¹.

Никогда
ничего не хочу читать.

¹ «Ничто» (лат.).

Книги?
Что книги!

Я раньше думал —
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный протак —
пожалуйста!
А оказывается —
прежде чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтаются в тине сердца
глупая вобла воображения.
Пока выкипчивают, рифмами пиликают,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.

Городов вавилонские башни,
возгордясь, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово.

Улица мўку молча пёрла.
Крик торчком стоял из глотки.
Топорщились, застрявшие поперек горла,
пухлые taxi¹ и костлявые пролетки.
Грудь испешеходили.
Чахотки плеще.

Город дорогу мраком запер.

И когда —
все-таки! —
выхаркнула давку на площадь,
спихнув наступившую на горло паперть,
думалось:
в хóрах архангелова хорала
бог, ограбленный, идет карать!

А улица присела и заорала:
«Идемте жрать!»

Гримируют городу Круппы и Круппики
грозящих бровей морщь,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея —
«сволочь»

¹ такси (франц.).

и еще какое-то,
кажется — «борщ».

Поэты,
размокшие в плаче и всхлипе,
бросились от улицы, ероша космы:
«Как двумя такими выпеть
и барышню,
и любовь,
и цветочек под росами?»

А за поэтами —
уличные тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.

Господа!
Остановитесь!
Вы не нищие,
вы не смеете просить подачки!

Нам, здоровенным,
с шагом саженым,
надо не слушать, а рвать их —
их,
присосавшихся бесплатным приложением
к каждой двуспальной кровати!

Их ли смиренно просить:
«Помоги мне!»
Молить о гимне,
об оратории!
Мы сами творцы в горящем гимне —
шуме фабрики и лаборатории.

Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркете!
Я знаю —
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!

Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!

Слушайте!
Проповедует,
мечась и стеля,

сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!
Мы
с лицом, как заspanная простыня,
с губами, обвисшими, как люстра,
мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, —
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!

Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю —
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!

Жилы и мускулы — молитв верней.
Нам ли вымаливать милостей времени!
Мы —
каждый —
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!

Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который
не кричал бы:
«Распни,
распни его!»
Но мне —
люди,
и те, что обидели —
вы мне всего дороже и ближе.

Видели,
как собака бьющую руку лижет?!

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается кушый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

А я у вас — его предтеча;
я — где боль, везде;

на каждой капле слёзовой течи
ра́спял себя на кресте.
Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!

И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю —
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! —
и окровавленную дам, как знамя.

3

Ах, зачем это,
откуда это
в светлое весело
грязных кулачищ замах!

Пришла
и голову отчаянием занавесила
мысль о сумасшедших домах.

И —
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый люк —
сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк.
Почти окровавив исслезенные веки,
вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном человеке,
взял и сказал:
«Хорошо!»

Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»

И эту секунду,
бенгальскую
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.

Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!

Вы,
обеспокоенные мыслью одной —
«изящно пляшу ли», —
смотрите, как развлекаюсь
я —
площадной
сутенер и карточный шулер!

От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз.

Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса.

Вся земля поляжет женщиной,
заерзает мясами, хотя отдаться;
вещи оживут —
губы вещицы
засюсюкают:
«цаца, цаца, цаца!»

Вдруг
и тучи
и облачное прочее
подняло на небе невероятную качку,
как будто расходятся белые рабочие,
небу объявив озлобленную стачку.

Гром из-за тучи, зверея, вылез,
громадные ноздри задорно высморкал,
и небе лицо секунду кривилось
суровой гримасой железного Бисмарка.

И кто-то,
запутавшись в облачных путях,

вытянул руки к кафе —
и будто по-женски,
и нежный как будто,
и будто бы пушки лафет.

Вы думаете —
это солнце нежненько
треплет по щеке кафе?
Это опять расстрелять мятежников
грядет генерал Галифе!

Выньте, гуляшие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришел чтоб и бился лбом бы!

Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закисшие в блохастом грязненьке!

Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела опошлить!

Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!

Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника —
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.

Изругивался,
вымаливался,
резал,
лез за кем-то
вгрызаться в бока.

На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат.

Уже сумасшествие.

Ничего не будет.

Ночь придет,
перекусит
и съест.

Видите —
небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством звезд?

Пришла.
Пирует Мамаем,
задом на город насев.
Эту ночь глазами не проломаем,
черную, как Азеф!

Ежусь, зашвырнувшись в трактирные углы,
вином обливаю душу и скатерть
и вижу:
в углу — глаза круглы, —
глазами в сердце въелась богоматерь.

Чего одаривать по шаблону намалеванному
сиянием трактирную ораву!
Видишь — опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Варавву?

Может быть, нарочно я
в человечьем месиве
лицом никого не новей.
Я,
может быть,
самый красивый
из всех твоих сыновей.

Дай им,
заплесневшим в радости,
скорой смерти времени,
чтоб стали дети, должны подрасти,
мальчики — отцы,
девочки — забеременели.

И новым рожденным дай обрасти
пытливой сединой волхвов,
и придут они —
и будут детей крестить
именами моих стихов.

Я, воспевающий машину и Англию,
может быть, просто,
в самом обыкновенном евангелии
тринадцатый апостол.

И когда мой голос
похабно ухает —
от часа к часу,
целые сутки,
может быть, Иисус Христос нюхает
моей души незабудки.

4

Мария! Мария! Мария!
Пусти, Мария!
Я не могу на улицах!
Не хочешь?
Ждешь,
как щеки провалятся ямкою,
попробованный всеми,
пресный,
я приду
и беззубо прошамкаю,
что сегодня я
«удивительно честный».

Мария,
видишь —
я уже начал сутулиться.

В улицах
люди жир продырявят в четырехэтажных зобах,
высунут глазки,
потертые в сорокгодовой таске, —
перехихикиваться,
что у меня в зубах
— опять! —
черствая булка вчерашней ласки.

Дождь обрыдал тротуары,
лужами сжатый жулик,
мокрый, лижет улиц забитый булыжником труп,
а на седых ресницах —
да! —
на ресницах морозных сосуллек
слезы из глаз —
да! —
из опущенных глаз водосточных труб.

Всех пешеходов морда дождя обсосала,
а в экипажах лощился за жирным атлетом атлет:
лопались люди,
проевшись насквозь,
и сочились сквозь трещины сало,
мутной рекой с экипажей стекала
вместе с иссосанной булкой
животина старых котлет.

Мария!
Как в зажиревшее ухо втиснуть им тихое слово?
Птица
побирается песней,
поет,
голодна и звонка,
а я человек, Мария,

простой,
выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни.

Мария, хочешь такого?
Пусти, Мария!
Судорогой пальцев зажму я железное горло звонка!

Мария!

Звереют улиц выгоны.
На шее ссадиной пальцы давки.

Открой!

Больно!

Видишь — натыканы
в глаза из дамских шляп булавки!

Пустила.

Детка!
Не бойся,
что у меня на шее воловьей
потноживотые женщины мокрой горою сидят, —
это сквозь жизнь я ташу
миллионы огромных чистых любовей
и миллион миллионов маленьких грязных любят.
Не бойся,
что снова,
в измены ненастье,
прильну я к тысячам хорошеньких лиц, —
«любящие Маяковского!» —
да ведь это ж династия
на сердце сумасшедшего восшедших цариц.

Мария, ближе!

В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.

Мария!
Поэт сонеты поет Тиане,
а я —
весь из мяса,
человек весь —
тело твое просто прошу,
как просят христиане —
«хлеб наш насущный
даждь нам днесь».

Мария — дай!

Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величием равное богу.

Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.

Мария —
не хочешь?
Не хочешь!

Ха!

Значит — опять
темно и понуро
сердце возьму,
слезами окапав,
нести,
как собака,
которая в конуру
несет
перееханную поездом лапу.

Кровью сердца дорогу радую,
липнет цветами у пыли кителя.
Тысячу раз опляшет Иродиадой
солнце землю —
голову Крестителя.

И когда мое количество лет
выпляшет до конца —
миллионном кровинок устелется след
к дому моего отца.

Вылезу
грязный (от ночевок в канавах),
стану бок о бок,
наклонюсь
и скажу ему на ухо:

— Послушайте, господин бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобрившие глаза?

Давайте — знаете —
устройте карусель
на дереве изучения добра и зла!

Вездесущий, ты будешь в каждом шкапу,
и вина такие расставим по столу,
чтоб захотелось пройтись в ки-ка-пу
хмурому Петру Апостолу.
А в рае опять поселим Евочек:
прикажи, —
сегодня ночью ж
со всех бульваров красивейших девочек
я наташу тебе.

Хочешь?

Не хочешь?

Мотаешь головою, кудластый?
Супишь седую бровь?
Ты думаешь —
этот,
за тобою, крыластый,
знает, что такое любовь?

Я тоже ангел, я был им —
сахарным барашком выглядывал в глаз,
но больше не хочу дарить кобылам
из севрской муки изваянных ваз.
Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, —
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!

Я думал — ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

Пустите!

Меня не остановите.
Вру я,
в праве ли,
но я не могу быть спокойней.
Смотрите —

звезды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.

[1914–1915]

ФЛЕЙТА-ПОЗВОНОЧНИК

ПРОЛОГ

За всех вас,
которые нравились или нравятся,
хранимых иконами у души в пещере,
как чашу вина в застольной здравнице,
подъемлю стихами наполненный череп.

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.

Память!
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.
Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.

1

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!

Буре веселья улицы ўзки.
Праздник нарядных черпал и черпал.
Думаю.
Мысли, крови сгустки,
больные и запекшиеся, лезут из черепа.

Мне,
чудотворцу всего, что празднично,
самому на праздник выйти не с кем.
Возьму сейчас и грохнусь навзничь
и голову выможжу каменным Невским!

Вот я богохулил.
Орал, что бога нет,
а бог такую из пекловых глубин,
что перед ней гора заволнуется и дрогнет,
вывел и велел:
любви!

Бог доволен.
Под небом в круче
измученный человек одичал и вымер.
Бог потирает ладони ручек.
Думает бог:
погоди, Владимир!
Это ему, ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
выдумалось дать тебе настоящего мужа
и на рояль положить человечьи ноты.
Если вдруг подкрасться к двери спальной,
перекрестить над вами стёганье одеялово,
знаю —
запахнет шерстью пальной,
и серой издымится мясо дьявола.

А я вместо этого до утра раннего
в ужасе, что тебя любить увели,
метался
и крики в строчки выгранивал,
уже наполовину сумасшедший ювелир.
В карты б играть!
В вино
выполоскать горло сердцу изоханному.

Не надо тебя!
Не хочу!
Все равно
я знаю,
я скоро сдохну.

Если правда, что есть ты,
боже,
боже мой,
если звезд ковер тобою выткан,
если этой боли,
ежедневно множимой,
тобой ниспослана, господи, пытка,
судейскую цепь надень.
Жди моего визита.
Я аккуратный,
не замедлю ни на день.
Слушай,
Всевышний инквизитор!

Рот зажму.
Крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.

Привяжи меня к кометам, как к хвостам лошадиным,
и вымчи,
рвя о звездные зубья.
Или вот что:
когда душа моя выселится,
выйдет на суд твой,
выхмурясь тупенько,
ты,
Млечный Путь перекинув виселицей,
возьми и вздерни меня, преступника.
Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь! —
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой!

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда я денусь, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!

2

И небо,
в дымах забывшее, что голубб,
и тучи, ободранные беженцы точно,
вызарю в мою последнюю любовь,
яркую, как румянец у чахоточного.

Радостью покрою рев
скопа
забывших о доме и уюте.
Люди,
слушайте!
Вылезьте из окопов.
После довоюете.

Даже если,
от крови качающийся, как Бахус,
пьяный бой идет —
слова любви и тогда не ветхи.
Милые немцы!
Я знаю,
на губах у вас
гётевская Гретхен.
Француз,
улыбаясь, на штыке мрет,
с улыбкой разбивается подстреленный авиатор,
если вспомнят
в поцелуе рот
твой, Травиата.

Но мне не до розовой мякоти,
которую столетия выжуют.
Сегодня к новым ногам лягте!
Тебя пою,
накрашенную,
рыжую.

Может быть, от дней этих,
жутких, как штыков острия,
когда столетия выбелят бороду,
останемся только
ты
и я,
бросающийся за тобой от города к городу.

Будешь за море отдана,
спрячешься у ночи в норе —
я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона
огненные губы фонарей.

В зное пустыни вытянешь караваны,
где львы начеку, —
тебе
под пылью, ветром рваной,
положу Сахарой горящую щеку.

Улыбку в губы вложишь,
смотришь —
тореадор хорош как!
И вдруг я
ревность метну в ложи
мрущим глазом быка.

Вынесешь на мост шаг рассеянный —
думать,
хорошо внизу бы.
Это я
под мостом разлился Сенной,
зову,
скалю гнилые зубы.

С другим зажгешь в огне рысаков
Стрелку или Сокольники.
Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, ждущий и голенький.

Сильный,
понадоблюсь им я —
велят:
себя на войне убей!
Последним будет
твое имя,
запекшееся на выданной ядром губе.

Короной кончу?
Святой Еленой?
Буре жизни оседлав валы,
я — равный кандидат
и на царя вселенной
и на
кандалы.
Быть царем назначено мне —
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!
А там,
где тундрой мир вылинял,
где с северным ветром ведет река торги, —
на цепь нацарапаю имя Лилино
и цепь исцелую во мраке каторги.

Слушайте ж, забывшие, что небо голубó,
выщетилившиеся,
звери точно!
Это, может быть,
последняя в мире любовь
вызарилась румянцем чахоточного.

3

Забуду год, день, число.
Запрусь одинокий с листом бумаги я,
Творишь, просветленных страданием слов
нечеловечья магия!

Сегодня, только вошел к вам,
почувствовал —
в доме неладно.
Ты что-то таила в шелковом платье,
и ширился в воздухе запах ладана.
Рада?
Холодное
«очень».
Смятеньем разбита разума ограда.
Я отчаянье громозжу, горящ и лихорадочен.

Послушай,
все равно
не спрячешь трупа.
Страшное слово на голову лавь!
Все равно
твой каждый мускул
как в рупор
трубит:
умерла, умерла, умерла!
Нет,
ответь.

Не лги!
(Как я такой уйду назад?)
Ямами двух могил
вырылись в лице твоём глаза.

Могилы глубятся.
Нету дна там.
Кажется,
рухну с помоста дней.
Я душу над пропастью натянул канатом,
жонглируя словами, закачался над ней.

Знаю,
любовь его износила уже.
Скуку угадываю по стольким признакам.
Вымолоди себя в моей душе.
Празднику тела сердце вызнакомь.

Знаю,
каждый за женщину платит.
Ничего,
если пока
тебя вместо шика парижских платьев
одену в дым табака.

Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч разнесу дорог.
Тебе в веках уготована корона,
а в короне слова мои —
радугой судорог.

Как слоны стопудовыми играми
завершали победу Пиррову,
я поступью гения мозг твой выгромил.
Напрасно.
Тебя не вырву.

Радуйся,
радуйся,
ты доконала!
Теперь
такая тоска,
что только б добежать до канала
и голову сунуть воде в оскал.
Губы дала.
Как ты груба ими.
Прикоснулся и остыл.
Будто целую покаянными губами
в холодных скалах высеченный монастырь.

Захлопали
двери.
Вошел он,

весельем улиц орошен.
Я
как надвое расколосся в вопле.
Крикнул ему:
«Хорошо!
Уйду!
Хорошо!
Твоя останется.
Тряпок нашёй ей,
робкие крылья в шелках зажирели б.
Смотри, не уплыла б.
Камнем на шее
навесь жене жемчуга ожерелий!»

Ох, эта
ночь!
Отчаянье стягивал туже и туже сам.
От плача моего и хохота
морда комнаты выкосилась ужасом.

И видением вставал унесенный от тебя лик,
глазами вызарила ты на ковре его,
будто вымечтал какой-то новый Бялик
ослепительную царицу Сиона евреева.

В муке
перед той, которую отдал,
коленопреклоненный выник.
Король Альберт,
все города
отдавший,
рядом со мной задаренный именинник.

Вызолачивайтесь в солнце, цветы и травы!
Весеньтесь, жизни всех стихий!
Я хочу одной отравы —
пить и пить стихи.

Сердце обокравшая,
всего его лишив,
вымучившая душу в бреде мою,
прими мой дар, дорогая,
больше я, может быть, ничего не придумаю.

В праздник красьте сегодняшнее число.
Творишь,
распятью равная магия.
Видите —
гвоздями слов
прибит к бумаге я.

[1915]

ПЬЕСЫ

МИСТЕРИЯ-БУФФ

ГЕРОИЧЕСКОЕ, ЭПИЧЕСКОЕ И САТИРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НАШЕЙ ЭПОХИ

ДЕЙСТВУЮТ:

1. Семь пар чистых. Абиссинский негус, индийский раджа, турецкий паша, русский купчина, китаец, упитанный перс, толстый француз, австралиец с женой, поп, офицер-немец, офицер-итальянец, американец, студент.
2. Семь пар нечистых. Трубочист, фонарщик, шофер, швея, рудокоп, плотник, батрак, слуга, сапожник, кузнец, булочник, прачка и эскимосы: рыбак и охотник.
3. Дама - истерика.
4. Черти. Штаб Вельзевула и два вестовых.
5. Святые. Златоуст, Лев Толстой, Мафусаил, Жан Жак Руссо и др.
6. Вещи. Машина, хлеб, соль, пила, игла, молот, книга и др.
7. Человек просто.

МЕСТА ДЕЙСТВИЙ

- I. Вся вселенная.
- II. Ковчег.
- III. 1-я картина: Ад.
2-я картина: Рай.
3-я картина: Земля обетованная.

ПРОЛОГ

СЕМИ НЕЧИСТЫХ ПАР

Это об нас зывала земля голосом пушечного рева.
Это нами взбухали поля, кровями опоенъ.
Стоим,
исторгнутые из земного чрева
кесаревым сечением войны.
Славим
восстаний,
бунтов,
революций день —
тебя,
идуший, черепа мозга!
Нашего второго рождения день —
мир возмужал.
Бывает —
станет пароход вдалеке,
надымит

и уйдет по зеркальности водней,
и долго дымными дышишь легендами, —
так жизнь ускользала от нас до сегодня.
Нам написали Евангелие,
Коран,
«Потерянный и возвращенный рай»,
и еще,
и еще —
многое множество книжек.
Каждая — радость загробную сулит, умна и хитра.
Здесь,
на земле хотим
не выше жить
и не ниже
всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав.
Нам надоели небесные сласти —
хлебище дайте жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти —
дайте жить с живой женой!
Там,
в гардеробах театров
блестки оперных этуалей
да плащ мексиканский —
всё, что есть там!
Старый портной не для наших старался талий.
Что ж,
неуклюжая пусть
одежда —
да наша.
Нам место!
Сегодня
над пылью театров
наш загорится девиз:
«Всё заново!»
Стой и дивись!
Занавес!

Расходятся. Раздирают занавес, замалеванный реликвиями старого театра.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На зареве северного сияния шар земной, упирающийся полюсом в лед пола. По всему шару лестницами перекрещиваются канаты широт и долгот. Меж двух моржей, подпирающих мир, эскимос-охотник, уткнувшийся пальцем в землю, орет другому, растянувшемуся перед ним у костра.

Эскимос-охотник

Эйе!

Эйе!

Рыбак

Горланит.

Дела другого нет —

пальцем землю тыркать.

Охотник

Дырка!

Рыбак

Где дырка?

Охотник

Течет!

Рыбак

Что течет?

Охотник

Земля!

Рыбак

(вскакивая, подбегая и засматривая под зажимающий палец)

О-о-о-о!

Дело нечистых рук.

Черт!

Пойду предупрежу полярный круг.

Бежит. На него из-за склона мира насакивает выжимающий рукава француз. Секунду ищет пуговицу и, не найдя, ухватывает шерсть шубы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Француз

Мосье эскимос!

Мосье эскимос!

Страшно спешно!

Пара минут...

Рыбак

Ну?

Француз

Так вот:

сегодня

у себя в Париже

сизу я это,

ев филе,

не помню, другое что-то ев ли,

и вижу —

неладно верзиле Эйфеля.

Думаю — не бошей блёф ли?

Вдруг гул.

На крышу бегу.

Виясь вокруг домовьего остова,

безводный прибор

суетне вперебой

бежал,

кварталы захлестывал.

Париж — тревожного моря бред.

Невидимых волн басовые ноты.

И за,

и над,

и под,

и пред

домов дредноуты.

И прежде чем мыслью раскинуть мог,

от немцев ли, или от...

Рыбак

Скорей!

Француз

Я весь
до ниточки взмок.
Смотрю —
все сухо,
но льется, и льется, и льет.
И вдруг,
крушенья Помпеи помпезней, картина разверзлась —
с корнем
Париж был вырван
и вытоплен в бездне
у мира в расплавленном горне.
Я очнулся на гребне текущих сёл,
я весь свой собрал яхт-клубский опыт, —
и вот
перед вами,
милейший,
всё,
что осталось теперь от Европы.

Рыбак

Н-немного.

Француз

Успокойтесь, конечно...
дня-с на два-с!

Рыбак

Да говори ты без этих европейских юлений!
Чего тебе надо? Тут не до вас.

Француз

(показывая горизонтально)

Разрешите мне... около ваших многоуважаемых тюленей!

Рыбак досадливо машет рукой костру, идет в другую сторону — предупреждать круг — и натывается на выбегающих из-за другого склона измокших австралийцев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рыбак

(отступая в удивлении)

А еще омерзительней не было лиц?!

Австралиец с женой

(вместе)

Мы — австралийцы.

Австралиец

Я — австралиец.
Все у нас было.
Как то-с:
утконос, пальма, дикобраз, кактус...

Австралийка

(плача, в нахлынувшем чувстве)

И все утонуло...
Все на дне...

Рыбак

(указывая на разлегшегося француза)

Вот идите к ним!

А то они одни.

Собравшийся вновь идти эскимос остановился, прислушиваясь к двум голосам с двух сторон земного шара.

Первый голос

Шляпа, у-ту!

Второй голос

Каска, у-ту!

Первый голос

Крепчает!

Держитесь за северную широту!

Второй голос

Яреет!

Хватайтесь за южную долготу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

По канатам широт и долгот скатываются с земного шара немецкий и итальянский офицеры, дружески бросаются друг к другу. Оба вместе.

Паазвольте пожать!

Узнав врагов, отдергивают протянутые руки и, выхватывая на ходу сабли, бросаются.

Итальянец

Если б я бы знал!

Проклятый шваб!

Немец

Проклятый итальянец!

Если б знал, да я б!..

Итальянец

Эвива Италия!

Немец

Гох фатерлянд!

Француз бросается меж вцепившимися, австралиец обхватывает итальянца, австралийка — немца.

Француз

Бросьте вы!

Утопли!

Нет фатерляндов.

Оба

(вкладывая сабли)

Ну,

нет, так и не надо.

Рыбак

(качая головой)

Вот банда!

Прямо на голову вновь собравшемуся уйти эскимосу низвергается наш купчина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Купец

Почтенные,
 это безобразия!
 Да рази я Азия?
 «Уничтожить Азию» — постановление совнеба.
 Да я же ж ни в жизнь азиатом не был!

(Успокоившись немного.)

Сначала накрапывало,
 потом пошло.
 Дальше — больше,
 больше — выше,
 хлынуло в улицы,
 рвануло крыши...

Все

Тише!
 Тише!

Француз

Слышите?
 Слышите топот?

Множество приближающихся голосов.

Потоп! потопом! потопу! о потопе! потопа!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Впереди негус, за ним китаец, перс, турок, раджа, поп, студент, дама-истерика. Шествие замыкают вливающиеся со всех сторон все семь пар нечистых.

Негус

Хоть чуть чернее снегу-с,
 но тем не менее
 я — абиссинский негус.
 Мое почтение!
 Я покинул сейчас мою Африку.
 Извивался в ней Нил, удав-река.
 Как взъярился Нил, царство сжав в реку,
 и потопла в нем моя Африка.
 Хоть нет имения,
 но тем не менее...

Рыбак
(досадливо)

...но тем не менее
 мое почтение.
 Слыхали! Слыхали!

Негус

Прошу не забываться!
 С вами говорит негус,
 и негус хочет кушать.
 Что это?
 Должно быть, вкусная собачка?

Рыбак

Я те дам — собачка!
 Это морж, а не собачка.

Иди садись, да никого не запачкай.
(Обращаясь к остальным.)

А вам чего?

К и т а е ц

Ничего!
 Ничего!
 Утоп мой Китай.

П е р с

Персия,
 моя Персия пошла на дно.

Р а д ж а

Даже Индия,
 Поднебесная Индия, и та...

П а ш а

И от Турции осталось воспоминание одно!
 Голоса прибывших раньше.

Тише!
 Тише!
 Что это за гул!

*Дама - истерика
 (ломаю руки, отделяется от толпы)*

Послушайте,
 я не могу!
 Не могу я среди звериных рыл!
 Отпустите меня
 к любви,
 к игре.
 Кто эти перила?
 Эти тени перил,
 стоящие берегами кровавых рек?
 Послушайте,
 я не могу!
 Даже как любить, я забыла уже.
 Отпустите!
 Не надо!
 Мимо я!
 Я хочу детей,
 я хочу мужей,
 не могу я жить нелюбимая.
 Послушайте, я не могу!

Ф р а н ц у з
(успокаивая)

Да не трите глаз...
 не кусайте губ...

(Продвигающимся к костру нечистым, заносчиво.)
 А вы которых наций?

Н е ч и с т ы е
(вместе)

По свету всему гоняться
 привык наш бродячий народина.

Мы никаких не наций.
Труд наш — наша родина.

Француз

Старые арии!

Испуганные голоса чистых.

Это пролетарии!

Пролетарии...

Пролетарии...

Кузнец

(француз, похлопывая его по изрядному животу)

Шум потопа, небось, в ушах-то?

Прачка

(ему же, насмешливо и визгливо)

Лег бы сейчас и уснул на кровати?

Пустить бы тебя в окопы да в шахты!

Проходящий рудокоп

(самодовольно)

Да —

мы ничего —

видали мокроватей.

Нечистые проходят, разделяя брезгливо жмущуюся толпу чистых, рассаживаются у костра. Толпа чистых смыкается за ними в круг. Паша вылезит в середину.

Паша

Правоверные!

Надо обсудить, что же произошло?

Давайте вникнем в суть явления.

Купец

Дело простое —
светопреставление.

Поп

А по-моему — потоп.

Француз

И вовсе не потоп,

а то б

дождик был.

Раджа

Да,

не было дождика.

Итальянец

Значит, и эта идея тоже дика...

Паша

Но все-таки —

что ж это, правоверные, произошло?

Давайте, правоверные, посмотрим в корень.

Купец

Народ, по-моему, стал непокорен.

Немец

Думаю, война, я.

Студент

Нет!
По-моему, причина иная.
По-моему, метафизическое...

Купец
(недовольно)

Война — метафизическое!
Начали с Адама.

Голоса

По очереди!
По очереди!
Не устраивайте содома!

Паша

Тс!
Давайте говорить постепенно.
Ваше слово, студент.
(*Оправдывается перед толпой.*)

А то у него даже на губах пена.

Студент

Сначала
все было просто:
день сменила ночь,
и только
заря чересчур разнебесилась ало.
Потом —
законы,
понятия,
веры,
гранитные кучи столиц
и самого солнца недвижимая рыжина —
все стало как будто немного текуче,
ползуче немного,
немного разжижено.
Потом как прольется!
Улицы льются,
растопленный дом низвергается на́ дом.
Весь мир,
в доменных печах революций расплавленный,
льется сплошным водопадом...

Голос китайца

Господа, внимание!
Сюда моросят.

Жена австралийца

Хорошенькое моросят!
Измочило, как поросят.

Перс

Может, конец мира близок,
а мы
митингуем, орем и ржем.

Итальянец
(жметя к полюсу)

Становитесь сюда!
Теснее!
Здесь не закапает.

Купец
(надавая коленкой зажимающего дыру с присущим этому народу терпением эскимоса)

Эй, ты!
Пошел к моржам!

Охотник-эскимос отлетает, и из открытой дыры забила в присутствующих струя. Веером рассыпались чистые, нечленораздельно оря.

И-и-и-и-и!
У-у-у-у-у!
А-а-а-а-а!

Через минуту все бросаются к струе.

Забить!
Заткнуть!
Зажать!

Отхлынули. Только австралиец остался у земного шара с пальцем в дыре. В общем переполохе взгромоздился на пару поленьев поп.

Поп

Братие!
Лишаемся последнего вершка.
Последний дюйм заливае водой.

Голоса нечистых
(тихо)

Кто это?
Кто этот шкаф с бородой?

Поп

Сие на сорок ночей и на сорок ден...

Купец

Правильно!
Господь надоумил умно его!

Студент

В истории был подобный прецедент.
Вспомните знаменитое приключение Ноево.

Купец
(водворяясь на место попа)

Это глупости —
и история, и прецедент, и воопче...

Голоса

Ближе к делу!

Купец

Давайте, братцы, построим копчег!

Жена австралийца

Правильно! Ковчег!

Студент

Вот охота!
Пароход построим!

Рад жа

Два парохода.

Купец

Правильно!

Весь капитал вложу!

Те спаслись, а мы умнее тех, никак.

Общий гул

Да здравствует,

да здравствует техника!

Купец

Подымите руки —

кто за.

Общий гул

И рук не надо.

Видно за глаза.

И чистые и нечистые поднимают руки.

Француз

(занявший место купца, со злобой осматривает кузнеца, поднявшего руку)

И ты туда же?

Да и не тщишь ты!

Господа,

давайте не возьмем нечистых!

Будут знать, как нас ругать.

Голос плотника

А ты умеешь пилить и строгать?

Француз

(поникая)

Я передумал.

Возьмем нечистых.

Купец

Только отберем непьющих и плечистых.

Немец

(влезая на место француза)

Тсс! Господа,

может быть, еще и не придется мириться с нечистыми.

К счастью,

мы не знаем, что с пятой частью света.

Галдите, и даже не побеспокойтесь узнать,

есть меж нами американцы ли.

Купец

(радостно)

Ну и голова!

Не человек, а германский канцлер.

Радость пререзает крик австралийки.

Что это?

Прямо из зала к напряженно вглядывающимся врывается американец.

Американец

Милостивые государи,

где здесь строят ковчег?

Вот

(протягивает бумагу)

от утопшей Америки
на двести миллиардов чек.

Молчаливое уныние. И вдруг вопль зажимающего воду австралийца.

Австралиец

Чего разглазелись? Будет пялиться!
Ей-богу, выну!
Коченеют пальцы...

Чистые засуетились. Заискивающе трутся к нечистым.

Француз
(кузнецу)

Ну что ж, товарищи,
построим,
а?

Незлобивый кузнец

А мне што!
По мне хоть...

(Машет рукой нечистым.)

Айда, товарищи!
Ехать, так ехать!

Нечистые поднимаются. Пилы, рубанки, молотки.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Палуба ковчега. По всем направлениям панорама рушащихся в волны земель. В низкие облака упирается запутанная веревками лестниц мачта. В стороне рубка и вход в трюм.

Чистые и нечистые выстроились по близкому борту.

Батрак

Н-да!
Не хотел бы я нынче за борт.

Швея

Глянь-ка туда:
не волна, а забор!

Купец

Зря я это с вами спутался.
Всегда вот так,
без толка.
Мореплаватели тоже!
Нашли морского волка.

Фонарщик

Ишь, поднесла!
Гудит и стенает.

Швея

Какой там забор!
Закрыло стеною.

Француз

Да-с.
Очень глупо-с!
Говорю вам с прискорбием и болью-с.

Сидели бы.
Земля еще держится.
Какой ни на есть, а все-таки полюс.

Б а т р а к

Что волки твои,
волнищами ляскают.

Оба эскимоса, шофер и австралийцы — сразу.

Глядите,
что это?
Что с Аляскою?

Н е г у с

Ну и метнулась!
Что камень пращой.

Н е м е ц

Ухнулась!

О х о т н и к

Нет ее?

Р ы б а к

Нет.

В с е

Прощай! Прощай! Прощай!

Ф р а н ц у з

(расплакался, придавленный воспоминаниями)

Боже мой!..
Боже мой!..
Бывало,
всей семьей
соберемся у чайного столика —
плюшки,
икорка.

Б у л о ч н и к

(отмеряя кончик ногтя)

Чудно, ей-богу!
Ну, не жаль вот
ни столько.

С а п о ж н и к

Я водчонки припас.
Найдется рюмка?

С л у г а

Найдется.

Р у д о к о п

Ребята,
идемте в трюм-ка!

О х о т н и к

Ну, как моржонок?
Не очень поджарый ли?

С л у г а

Ничего не поджарый,
славно поджарили.

Чистые одни. Нечистые спускаются в трюм, подпевая.
 Что терять нам? Испугаться нам потопа ли?
 Разустили ножки — по свету потопали.
 Эх, и отдых в пароходах!
 Эх!
 И моржонка съест и водочки хлебнуть не грех.
 Эх, не грех!

Чистые окружили расхныкавшего француза.

Перс

Стыдно, право!
 Бросьте орать-то!

Купец

Перебьемся как-нибудь,
 доползем до Арарата.

Негус

С голоду подохнешь, пока гора-то.

(Прислушивается к шуму в трюме.)

Поп

Ишь, ржут!

Студент

Чего им!
 Наловили рыбы и жрут.

Поп

Возьмем сеть или острогу и тоже давайте ловить.

Немец

О-с-т-р-о-г-у?
 А как обращаться ею?
 Я только шпагой в человеке ковырять умею.

Купец

Я закинул сеть,
 думал — рыбину выну,
 умаялся,
 и ничего —
 одну травину.

Паша

(сокрушенно)

До чего доросли:
 первой гильдии — и жрут водоросли.

Итальянец

(многозначительно подымает палец)

Эврика!

(Немцу.)

Послушайте!
 Чего это мы так тогда?
 Что это нас так задело?
 У нас теперь общий враг.

(Указывает на трюм. Берет под руку и отводит, на ходу говоря.)

У меня к вам вот что за дело...

Пошептавшись, возвращаются.

Немец
(держит речь)

Господа!
Мы все такие чистые.
Нам проливать за работой пот ли?
Давайте заставим нечистых, чтоб они на нас работали.

Студент

Я б их заставил!
Да куда мне —
чахл!
А из них любой — косяя в плечах.

Итальянец

Боже сохрани драться!
Не драться,
а пока выжирают меню,
пока восседают,
пия и оря,
возьмем и подложим им свинью...

Немец

Выберем им царя!

Все
(удивленно)

Зачем царя?

Немец

А затем, что царь издаст манифест —
все кушанья мне, мол, должны быть отданы.
Царь ест,
и мы едим —
его верноподданные.

Все

Здорово!

Паша

Ловко!

Купец
(радостно)

Я же говорил вам —
Бисмарочья головка!

Австралийцы

Выбираем скорей!

Несколько голосов

Но кого?
Кого же?

Итальянец и француз

Негуса.

Поп

Правильно!
Ему и в руки вожжи.

Купец

Какие вожжи?

Немец

Ну, как их там...
Бразды правления, что ли...
Чего придираетесь?
Смысл один.

(Негусу.)

Взлазьте, господин.

(Французу, паше и студенту.)

Вы строчите манифест:
с божьей, мол, милости...
а мы — сюда,
чтоб не успели вылезти.

Паша и прочие строчат манифест. Немец с итальянцем разматывают перед выходом из трюма канат. Пошатываясь, вылазят нечистые. Когда последний выполз на палубу, итальянец и немец меняются местами — и нечистые опутаны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Немец
(сапожнику)

Эй,
ты!
Ступай под присягу!

Сапожник
(плохо разбирая в событиях)

Можно, я лучше прилягу?

Итальянец

Я тебе прилягу —
не встанешь сто лет!
Господин поручик,
наводите пистолет!

Француз

Ага!
Протрезвели!
Вот так оно проще.

Некоторые нечистые
(грустно)

Попались, братцы.
Как куры во щи.

Австралиец

Шапки долой!
У кого там шапка?

Китаец и раджа
(подталкивают попа, стоящего под рубкой, возглавляемой негусом)

Читай же,
читай, стоят не дыша пока!

Поп
(по бумаге)

Божьей милостью
мы,

царь изжаренных нечистыми кур
и великий князь на оных же яйца,
не сдирая ни с кого семь шкур, —
шесть сдираем, седьмая оставляется, —
объявляем нашим верноподданным:
волоките всё —
рыбу, хлеб, овощь, свинят
и чего найдется съестного прочего.
Правительствующий сенат
не замедлит
разобраться в грудах добра,
отобрать и нас попотчевать.

Импровизированный сенат из паши и раджи.

Слушаемся, ваше величество!

П а ш а
(распоряжается)
(Австралийцу.)

Вы — в каюты!

(Австралийке.)

Вы — в кладовые!

(Общее.)

Чтоб нечистый ничего дорогой не выел.

(Купцу, отматывая для него булочника.)

Вы вот с ним спускайтесь в трюм.

Я с раджою на палубе все просмотрю.

(Общее.)

Притащите сюда и возвращайтесь снова.

Радостный гул чистых.

Навалим целую гору съестного!

П о п
(протирая руки)

А после братски поделимся добычею
по христианскому обычаю.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Конвоируемые офицерами, нечистые понуро спускаются в трюм, за ними — чистые, кроме сената, общаривающего палубу. Первым возвращается австралиец. На огромном блюде моржонок. Складывает перед негусом — и обратно в трюм.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К и т а е ц с а в с т р а л и й к о й
(конвоируя булочника)

Этот бьет челом куличом.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С т у д е н т
(с плотником)

Сельдь у него.

Объедена наполовину.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Купец
(с шофером)

Вот этот в хранении колбасы уличен.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Поп
(с швейей и прачкой)

Сахар.

Чуть не изо рта у них вынул.

ЯВЛЕНИЯ СЕДЬМОЕ, ВОСЬМОЕ И ДЕВЯТОЕ

Француз возвращается, как и все. Перс деловито приносит бутылъ — и обратно. Сенат притащил связку баранок и юркнул в трюм. Минуту на сцене один негус, сосредоточенно уплетающий принесенное. Затем, усталые, вылезают чистые и, завалив люк, направляются к трону, хвастаясь.

Француз

Я ростбиф нашел —
и целый кус!

Китаец

Занятно знать, каков он на вкус.

Австралиец

Моржонок попался —
румян, сочен.

Раджа

Проголодались?

Француз

Еще бы!

(Попу.)

Вы тоже?

Поп

Очень!

Взбираются к негусу. Перед негусом пустое блюдо. В один грозный голос.

Что здесь?
Гуляла мамаева рать?!

Поп
(в испуге)

Один ведь,
один —
и чтоб столько сожрать!

Паша

Взял бы да и грохнул по сытой роже.

Негус

Молчать!
Я помазанник божий.

Немец

Помазанник!
Помазанник!
Лег бы, как мы...

Итальянец

На голодный желудок.

Поп

Иуда!

Раджа

ТЬфу!
Не об этаком думал дне я.

Купец

Ляжем.
Утро вечера мудренее.

Укладываются. Ночь. По небу быстро проходит луна. Луна склоняется. Рассвет. В синем утре приподымается фигура итальянца, с другой стороны приподымается немец.

Итальянец

Вы спите?

Немец отрицательно качает головой.

Итальянец

Проснулись в эту поришу?

Немец

Уснешь тут!
В животе такой разговорище.
Ну, поговори, поговори еще!

Купец
(*вмешиваясь*)

Всё котлеты сняты.

Поп
(*издали*)

А что ж еще могло сниться!

(*Негусу.*)

Ишь, проклятый! Так и лоснится.

Австралиец

Холодно.
Да и ночь мокра-то.

Француз
(*после короткой паузы*)

Господа,
знаете, что?..
Я чувствую, что я становлюсь демократом.

Немец

Вот новость!
Я всегда народ любил без памяти.

Перс
(*ехидно*)

А кто предлагал его величеству к стопам идти?

И т а л ь я н е ц

Бросьте ваши ядовитые стрелы.
Самодержавие как форма правления
несомненно устарело.

К у п е ц

Устареет, если ни росинки не попало в рот.

Н е м е ц

Серьезно! Seriously!
Назревает переворот.
Довольно распрь,
покончим с бранью!

В один голос.

Ура!

Ура Учредительному собранию!

(Отваливают люк.)

Ура! У-р-а!

(Друг другу.)

Наяривайте!

Жмите!

Я В Л Е Н И Е Д Е С Я Т О Е

Из люка лезут разбуженные нечистые.

С а п о ж н и к

Что это? Перепились?

К у з н е ц

Авария?

К у п е ц

Граждане, пожалте на митинг!

(Булочнику.)

Гражданин, вы за республику?

Н е ч и с т ы е

(хором)

Митинг? Республику? Какую такую?

Ф р а н ц у з

Стойте!

Сейчас интеллигенция растолкует.

(Студенту.)

Эй, вы, интеллигенция!

«Интеллигенция» и француз влазят на рубку.

Ф р а н ц у з

Объявляю собрание открытым.

(Студенту.)

Ваше слово.

С т у д е н т

Граждане!

У этого царищи невозможный рот!

Г о л о с а

Правильно!
Правильно, гражданин оратор!

С т у д е н т

Всё, проклятый, как есть сожрет!

Г о л о с

Правильно!

С т у д е н т

И никто никогда не доползет до Арарата.

Г о л о с а

Правильно!
Правильно!

С т у д е н т

Довольно!
Рвите цепи ржавые!

О б щ и й г у л

Долой,
долой самодержавие!

К у п е ц
(негусу)

Попили кровушки,
нагадили народу...

Ф р а н ц у з
(негусу)

Эй, ты,
алон занфан в воду!

Общими усилиями раскачивают негуса и швыряют за борт. Затем чистые берут под руки нечистых и расходятся, напевая.

И т а л ь я н е ц
(рудокону)

Товарищи!
Вы даже не поверите.
Я так безумно рад:
нет теперь этих вековых преград.

Ф р а н ц у з
(кузнецу)

Поздравляю вас!
Рухнули вековые устои.

К у з н е ц
(неопределенно)

М-да!

Ф р а н ц у з

Остальное устроится,
остальное — пустое.

П о п
(швее)

Теперь мы — за вас, вы — за нас.

К у п е ц
(довольный)

Так, так! Води за нос.

Француз
(на рубке)

Ну, граждане, довольно,
погуляли всласть.
Давайте организуем демократическую власть.
Граждане,
чтобы все это было скоро и быстро,
мы вот, — упокой, господи, душу негуса, — мы вот тринадцать
будем министры и помощники министров,
а вы — граждане демократической республики, —
вы будете ловить моржей, шить сапоги, печь бублики.
Возражений нет?
Принимаются доводы?

Батрак

Ладно!
Было бы недалеко до воды!

Хором

Да здравствует! Да здравствует демократическая республика!

Француз

А теперь я

(нечистым)

вам предлагаю работать.

(Чистым.)

А мы — за перья.
Работайте,
несите сюда,
а мы это всё поделим поровну, —
последняя рубашка пополам будет порвана.

ЯВЛЕНИЯ ОДИННАДЦАТОЕ И ДВЕНАДЦАТОЕ

Чистые устанавливают стол, располагаются с бумагами, и когда нечистые приносят съестное, записывают во входящие и по уходе с аппетитом съедают. Булочник, пришедший во второй раз, пытается заглянуть под бумаги.

Чего глазеешь?
Отойди от бумаг!
Это, брат, дело не твоего ума.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Кузнец и рыболов

Давайте делиться обещанным.

Поп
(возмущенно)

Братие!
Рановато еще о пище нам.

Раджа
(отводя их от стола)

Там акулу поймали.
Присмотритесь к акуле —
не несет яиц, не приспособлена к молоку ли.

Кузнец
(угрожая)

Все равно, раджа, паша ли вы,
как говорится у турок:
«Эй, паша, не пошаливай!»

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Уходит и через минуту возвращается вкупе с прочими нечистыми; подходят к столу.

Кузнец

Учат!
Сколько ни дои акул —
не быть из акулы молоку.

Сапожник
(пишущим)

Пора обедать!
Скорей кончай-ка!

Итальянец

Обратите внимание,
как это красиво:
волны и чайка.

Батрак

Поговорим-ка лучше о шах и о чае.

Все

К делу!
К делу!
Нам не до чаек.

Напирая, опрокидывают стол. На палубу грохаются пустые тарелки.

Швея и прачка
(грустно)

Всё совет министерский вылакал.

Плотник
(вскакивая на опрокинутый стул)

Товарищи!
Это нож в спину!

Голоса

И вилка!

Рудокоп

Товарищи!
Что ж это?
Раньше жрал один рот, а теперь обжирают ротой?
Республика-то оказалась тот же царь, да только сторотый.

Француз
(ковыряя в зубах)

Чего кипятитесь?
Обещали и делим поровну:
одному — бублик, другому — дырка от бублика.
Это и есть демократическая республика.

Купец

Надо же ж кому-нибудь и семечки — не всем арбуз.

Нечистые

Мы вам покажем классовую борьбу!

Немец

Стойте, граждане!

Наша политика...

Нечистые

А ну,

с четырех концов подпалите-ка!

Покажем им, какая такая политика!

Держись,

запахнет гарью.

Подпалим революцией,

что твою Болгарию.

Вооружаются сложенным чистыми во время обеда оружием, загоняют чистых на корму.
Мелькают пятки сбрасываемых чистых. Только купец забился в угольный ящик.

Мадам - и ст е р и к а

(все время путающаяся под ногами, заломила руки)

И опять и опять разрушается кров,

и опять и опять смятенье и гул...

Довольно!

Довольно!

Не лейте кровь!

Послушайте, я не могу!

Батрак

Ишь, проклятая!

Распустила слюнки!

Революция вам, мадам, не юнкер.

(Вежливо берет ее. Дама вцепляется в руку.)

Ишь, злюка!

Кузнец

Вали ее, ребята, в дырку люка!

Трубочист

Не задохлась бы тама —

все-таки дама.

Батрак

Что мямлить?

Вернутся — нас же распнут на кресте.

Нечистые

Правильно!

Правильно!

Или мы — или те!

Кузнец

Товарищи!

Сапогами отшвыривайте кликуш.

Эй, народ, чего не ликуешь?

Ликуй!

Но суровы голоса нечистых — последние запасы съела республика.

Булочник

Ликуй!
А велико ли хлеба запасено?

Швея

Ликуй! Когда мысли только о хлебе.

Фонарщик

Ликуй! Если всюду одни только хляби.

Трубочист

Ликуй! Когда ни крошки не осталось на корме.

Несколько — сразу.

«Ликуй» кричишь!
Ты нас накорми.
Мы голодны.
Мы устали.
Не пройдешь шагов и ста.

Батрак

Голодны? Устали?
Разве бывает усталъ у стали?

Прачка

Мы не сталь.

Кузнец

Так будемте сталь.
Не останавливаться на половине ж.
Съеденное в утопших,
назад не вынешь.
Теперь об одном осталось ратовать,
чтоб сила не иссякла до места Араратова.
Пусть нас бури бьют,
пусть изжарит жара,
голод пусть —
посмотрим в глаза его,
будем пену одну морскую жрать.
Мы зато здесь всего хозяева!

Хором

Правильно!
Идем себя закалять!

Спускается та же ночь. Кузнец раздувает горн. Быстро бежит луна.

Кузнец

Идите же!
Работы не было наваленней.
Никогда сильнее не требовалось починок.
Собственные груди ставьте на наковальни.
Эй! Кто для почина?

Батрак

Мне надо новые поставить подковы.

Плотник

Руку подправьте — не очень узловата.

Рыбак

Мне надо на грудь чего-нибудь такого.

Фонарщик

Ноги подделайте, а то — вата.

Подходят один за другим, работает кузнец. Стальные и выправленные идут от горна, рассаживаются по палубе. Утро. Холодно и голод.

Шофер

Без еды — все равно что машина без дров.

Рудокоп

Даже я сдаю, уж на что здоров.

Охотник

Слабеет от голода за мускулом мускул.

Швея

(прислушиваясь)

Слушайте,

что это?

Слышите музыку?

От нее отсаживаются, смотрят испуганно. Некоторые пятаются в трюм. Но не разумнее и голос плотника.

Плотник

Антихрист речь повел нам
об Арапате и рае.

(Испуганно вскакивает, пальцем за борт.)

Кто там
идет по волнам,
в кости свои играет?

Трубочист

Брось ты!
Море глобо.
Да и кому являться?

Сапожник

Вон он!
Идет!
Это голод
нами идет разговляться!

Батрак

Что ж, иди!
Нет здесь таких, кто упал бы.
Товарищи, враг у борта!
Живо!
Все на палубы!
Голод
сам идет на абордаж.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Выбегают, шатаясь, вооруженные чем попало. Рассвело. Пауза.

Все

Что ж, иди!
Никого...
И вот
снова будем смотреть бесплодное лоно вод.

О х о т н и к

Так вот молишь о тени в печках пустыни,
умирая ж —
видишь, будто пустыня стынет.
Мираж!

Ш о ф е р

(приходит в страшное волнение, поправляет очки, всматривается. Кузнецу)

Там вот,
на западе —
не заметишь ли точки?

К у з н е ц

Что глядеть?
Все равно что на хвост надеть или в ступе истолочь очки.

Ш о ф е р

(отбегают, шарит, лезет с трубой на рею — и через минуту его рвущийся от радости голос)

Арарат! Арарат! Арарат!

Со всех концов.

О, как я рада!
О, как я рад!

Вырывают у шофера трубу. Сгрудились.

П л о т н и к

Где он? Где?

К у з н е ц

Да вот виднеется
направо от...

П л о т н и к

Что это?
Приподнялось.
Выпрямилось.
Идет.

Ш о ф е р

То есть как — идет?
Арарат — гора и ходить не может.
Глаза потри.

П л о т н и к

Сам три.
Смотри!

Ш о ф е р

Да, идет.
Человек какой-то.
Да, человек.
Старый с посохом.
Молодой без посоха.
Эк,
идет по воде, что по-суху!

Ш в е я

Колокола, гудите!
Вздыбливайте звон!

Бросайте работу!
 Останавливайте заводы!
 Это он!
 Он шел, рассекая генисаретские воды!

Кузнец

У бога есть яблоки,
 апельсины,
 вишни,
 может вёсны стлать семь раз на дню,
 а к нам только задом оборачивался всевышний,
 теперь Христом залавливает в западню.

Батрак

Не надо его!
 Не пустим проходимца!
 Не для молитв у голодных рты.
 Ни с места!
 А то рука подымется.
 Эй,
 кто ты?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Самый обыкновенный человек входит на замершую палубу.

Кто я?
 Я — дровосек
 дремучего леса
 мыслей,
 извитых лианами книжников,
 душ человеческих искусный слесарь,
 каменотес сердец булыжников.
 Я в воде не тону,
 не горю в огне —
 бунта вечного дух непреклонный.
 В ваши мускулы
 я
 себя одеть
 пришел.
 Готовьте тела-колонны.
 Сгрудьте верстаки, станки и горны.
 Взлезу на станки и на горны я.
 Сбивают грудь.

Эта ставка
 последняя у мира в игорне.
 Слушайте!
 Новая проповедь нагорная
 Еще громá себя не изгрохали,
 горы бурь еще не отухали.
 О, горе тем, кто вцепились — рохли! —
 земным ковчегам в плывущую рухлядь!
 Араратов ждете?
 Араратов нету.
 Никаких.
 Приснились во сне.

А если
 гора не идет к Магомету,
 то и черт с ней!
 Не о рае Христовом ору я вам,
 где постнички лижут чай без сахару.
 Я о настоящих земных небесах ору.
 Судите сами: Христово небо ль,
 евангелистов голодное небо ли?
 В раю моем залы ломит мебель,
 услуг электрических покой фешенебелен.
 Там сладкий труд не мозолит руки,
 работа розой цветет по ладони.
 Там солнце такие строит трюки,
 что каждый шаг в цветомории тонет.
 Здесь век корпит огородника опыт —
 стеклянный настил, навозная насыпь,
 а у меня
 на корнях укропа
 шесть раз в году росли ананасы б.

В с е
 (хором)

Мы все пойдем!
 Чего нам терять!
 Но пустят ли нашу грешную рать?

Ч е л о в е к

Мой рай для всех,
 кроме нищих духом,
 от постов великих вспухших с луну.
 Легче верблюду пролезть сквозь иголье ухо,
 чем ко мне такому слону.
 Ко мне —
 кто всадил спокойно нож
 и пошел от вражьего тела с песнею!
 Иди, непростивший!
 Ты первый вхож
 в царствие мое небесное.
 Иди, любовьюми всевозможными разметающийся прелюбодей,
 у которого по жилам бунта бес снует, —
 тебе, неустанный в твоей люботе
 царствие мое небесное.
 Идите все, кто не вьючный мул.
 Всякий, кому нестерпимо и тесно,
 знай:
 ему —
 царствие мое небесное.

Х о р о м

Не смеется ли этот над нищими?
 Где они?
 Дразнишь какими страницами?

Ч е л о в е к

Длинна дорога.
 Надо сквозь тучи нам.

Х о р о м

Каждую тучу сразим поштучно!

Человек

А если ад взгромоздится за адом?

Хором

Пойдем и туда!

Не попятимся задом.

Веди нас!

Где она?

Человек

Где?

На пророков перестаньте пялить око,
взорвите все, что читали и чтут.

И она, обетованная, окажется под боком —
вот тут!

Конец.

Слово за вами. Я нем.

Исчезает. На палубе недоумение.

Сапожник

Где он?

Кузнец

По-моему, он во мне.

Батрак

Думаю, заблагорассудилось и в меня ему...

Несколько

Кто он?

Кто этот дух невменяемый?

Кто он —

без имени?

Кто он —

без отчества?

Зачем он?

Какие кинул пророчества?

Кругом потопа смертельная ванная.

Пушай!

Найдется обетованная!

Кузнец

Зловещ пучин разверзшийся рот.

(Рукой на реи.)

Дорога одна — сквозь тучи вперед!

Бросаются к мачте. Хором.

Сквозь небо — вперед!

Вскарабкиваются, и уже на реях разворачивается боевая песнь.

Батрак

Мы сами теперь громоногая проповедь.

Идемте силы в сражении пробовать!

Хор

Идем,

идем последнее пробовать!

Сапожник

Там всем победителям отдых за боем.
Пусть ноги устали, их в небо обуем!

Хор

Обуем!
Кровавые в небо обуем!

Плотник

Распахнута твердь
небесам за ограду!
По солнечным трапам,
по лестницам радуг!

Хор

По солнечным сходящим,
качелями радуг!

Рыбак

Довольно пророков!
Мы все Назареи!
Скользьте на мачты,
хватайтесь за реи!

Хор

На мачты!
На мачты!
За реи!
За реи!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

«За реи!» — замирает в облаках. Когда скрывается последний, из угольного ящика, осматриваясь, пролазит купец, задирает голову, качает головой на мачту и, посмеиваясь, говорит.

Надо же ж быть ослом!

(Обводит рукой ковчег.)

Добра на четыреста тысяч
минимум.
Даже если на слом.

Но недолговечна купцова радость, — задранная голова перетянула,
купец кувыркается за борт.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ад. В три яруса протянуты дымно-желтые тучи. На верхнем ярусе надпись: «Чистилище», на среднем: «Ад», на нижнем, свесив ноги, восседают два черта.

Первый

Два слова по поводу пищи:
трудно нам без попов в аду,
а из России, как на грех, гонят попишей.

Второй
(*вглядываясь вниз*)

Что это маячит там?

Первый

Мачта.

Второй

Зачем мачта? Какая мачта?

Первый

Пароход какой-то.

Да, корабль!

Кают огни.

Жизнь недорого!

Смотри, по тучам тела карабкают,
сами лезут черту на рога.

Второй

Старик-то наш

обрадуется донельзя.

(*Огрызается на первого.*)

Тише ты, черт,

нельзя, чтоб без гула!

Беги, предупреди штаб

Вельзевула.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Первый бежит. Над средним ярусом показывается Вельзевул. Ладонь ко лбу. Над ярусом приподымаются черти.

Вельзевул
(*убедившись, орет*)

Эй, вы,

черти!

Волоките котёлище!

Да дров побольше —

суше,

толще!

Прячься за тучи, батальон сторогий!

Чтоб никто из тех не ушел с дороги!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ

Черти притаились. Снизу доносится: «На мачты, на мачты! За реи, за реи!» Вваливается толпа нечистых, и моментально же вываливаются черти с вилами наперевес.

Черти

У-у-у-у-у-у-у!

А-а-а-а-а-а-а!

У-у-у-у-у-у-у!

А-а-а-а-а-а-а!

Кузнец

(*указывая на крайних, швец со смехом*)

Как тебе нравятся эти трое?

Ишь, стараются!

Землю роют.

Гвалт начал надоедать. Цыкнули нечистые.

Т-с-с-с-с-с!

Смокли растерявшиеся черти.

Нечистые

Это ад?

Черти
(нерешительно)

Д-да!

Батрак
(на чистилище)

Товарищи!

Не останавливаться!

Прямо туда!

Вельзевул

Да-да!

Черти, вперед!

Не пускать в чистилище!

Батрак

Послушайте —

это что за стиль еще?

Кузнец

Бросьте вы это!

Вельзевул
(обиженно)

То есть как бросить?!

Кузнец

Да так.

Стыдно!

Все-таки старый черт,

у самого проседь.

Нашли, ей-богу, чем страшать!

На заводе

чугуноплавильном

не бывали, чать?

Вельзевул
(сухо)

Не был я на вашей плавильне.

Кузнец

То-то!

А то б повылинял

шерсткой.

Живешь себе тут

шеголем,

гладкий такой да жесткий.

Вельзевул

Хорош гладкий,

хорош жесткий!

Довольно разговаривать! Пожалте на костры!

Булочник

Остри!
 Нашел чем пугать!
 Смешно, ей-богу!
 Да у нас
 в Питере
 вам бы еще заплатили
 за такую головню,
 Холод.
 А у вас благодать.
 Сплошное ню.

Вельзевул

Довольно шутить!
 Трепещите за души!
 Всех вас серой сейчас же задушим!

Кузнец
(сердась)

Хвастают тоже!
 Что у вас? —
 Слегка попахивает серою.
 У нас как пустят удушливым газом —
 вся степь от шинелей становится серою,
 дивизия разом валится наземь.

Вельзевул

Побойтесь, говорю вам, раскаленных жаровен!
 На вилах будете,
 час неровен.

Батрак
(выходя из себя)

Да что ты кичишься какими-то вилами!
 Твой глупый ад — все равно что мед нам.
 Бывало,
 в атаке
 три четверти выломит
 в одно дуновенье огнем пулеметным.

Черти развесили уши.

Вельзевул
(старается поддержать дисциплину)

Чего стоите?
 Разинули рот!
 Может, он все это врет!

Батрак
(зверья)

Я вру?!
 Сидите тут,
 пещеры пещерите!
 Черги!
 Слушайте!
 Я вам расскажу...

Черги

Тише!

Б а т р а к

...про нашу земную жуть.
 Что ваш Вельзевул!
 У нас паук такой
 клещами тыщами
 всю землю сжал в обескровленный пук,
 рельс паутиною выщешил.
 У вас хоть праведников нет и детей, —
 рука, небось, не подымается мучить, —
 а у нас и те!
 Нет, черти,
 у вас здесь лучше.
 Как какой-нибудь некультурный турок,
 грешника с размаха саданёте на кол,
 а у нас машины,
 а у нас культура...

Г о л о с
(из толпы чертей)

Однако!

Б а т р а к

Человечину жрете?
 Невкусное сырьё!
 Я б к Сиу вас свел, каб не было поздно.
 У нас в шоколад перегоняют ее.

Г о л о с
(из толпы чертей)

Но?
 Seriously?

Б а т р а к

А негров видели дубленные кожи, —
 на переплеты, чтоб мог идти?
 В ухо гвоздь?
 Пожалуйста, отчего же!
 А шерсть свиную хотите под ногти?
 Посмотрели солдата в окопе вы бы:
 сравнить если с ним — ваш мученик сноб...

Ч е р т и

Довольно!
 Шерсть подымается дыбом!
 Довольно! довольно!
 Такой озноб!

Б а т р а к

Думаете, страшно?
 Развели костерики,
 развесили чанки.
 Какие вы черти?
 Да вы шенки!
 Ремни вас на фабриках растягивали по суставам?

В е л ь з е в у л
(смущенно)

Ну, вот!
 В чужой монастырь со своим уставом.

Батрак

Что,
только на робких пасти щерите?

Черти

Ну что вы, ей-богу, пристали?
Черти, как черти!

Вельзевул идет к батраку заминать разговор.

Вельзевул

Я б вас пригласил хлеб-соль откусать
в гости,
да какое теперь угощение —
кожа да кости.
Сами знаете, какие теперь люди?
Изжаришь, так его и незаметно на блюде.
Нет этих мешочников в ризе.
Сами понимаете — продовольственный кризис.
Притащили на днях рабочего
из выгребных ям,
так не поверите — нечем потчевать.

Батрак
(брезгливо)

Пошел к чертям!

(К давно уже нетерпеливо ждущим рабочим.)

Айда, товарищи!

Нечистые двинулись; к последнему прицепился черт помоложе.

Черт

Счастливого пути!
Устраивайтесь как-нибудь по-новому,
без лишней святости,
а то какая там, например, троица?
И мы к вам придем, когда все устроится.
Сидишь тут,
не евши
дней по пяти,
а у чертей,
известно,
чертовский аппетит.

Нечистые двинулись ввысь. Ломаемые, падают тучи. Тьма. Из тьмы и обломков опустевшей сцены вырисовывается следующая картина, а пока по аду гремит песня нечистых.

Кузнец

Телами адовы двери пробейте!
Чистилище в ключья!
Вперед!
Не робейте!

Хор

Чистилище вдребезги!
Так!
Не робейте!

Рудокоп

Вперед!

От отдыха тело отучим!
 По ярусам
 выше!
 Шагайте по тучам!

Хор

Шагайте по ярусам!
 Выше!
 По тучам!

Конец первой картины

КАРТИНА ВТОРАЯ

Рай. Облако на облаке. Белесо. По самой середине, чинно рассевшись по облачю, райские жители. Мафусаил ораторствует.

Мафусаил

Святейшие!
 Идите в светлейшее мощи оправить,
 почище начистьте дни-ка.
 Глаголет Гавриил —
 грядет
 больше чем дюжина праведников.
 Святейшие!
 Примите их в свою среду.
 Что мышью, голод играет ими,
 им гадит ад,
 но они бредут...

Райские
 (степенно)

Сразу видно — достойнейшие люди.
 Примем.
 Обязательно примем.

Мафусаил

Надо стол накрыть,
 выйти вместе.
 Торжественнейшую встречу устроить надо нам.

Райские

Вы здесь старейший и будьте церемониймейстер.

Мафусаил

Да я не умею...

Все

Ладно, ладно!

Мафусаил

(кланяется, идет распоряжаться столом. Выстраивает святых)

Вот сюда Златоуст.
 Готовь приветственный тост:
 — Мы, мол, все приветствуем, а также и Христос...
 Сам знаешь, тебе и книги в руки.
 Вот сюда Толстой, —
 у тебя вид хороший, декоративный,
 стал и стой.

Сюда — Жан Жак.
 Так и развертывайтесь анфиладою,
 а я пойду стол присмотреть.
 Доишь облака, сын мой?

А н г е л

Да, дою.

М а ф у с а и л

Надоишь — и на стол.
 Нарезьте даже
 облачко одно,
 каждому по ломтику.
 Для отцов святейших главное не еда же,
 а речи душеспасительные, которые за столом текут.

С в я т ы е

Ну что,
 не видно пока?
 Чтой-то край у облака подозрительно дут.
 Идут! Идут! Идут! Идут!
 Неужели это они?
 В рай, а будто трубочисты грязные.
 Вымоем.
 М-да, святые-то, оказывается, разные.

Я В Л Е Н И Е П Е Р В О Е

Снизу доносится

Орите в ружья!
 В пушки басите!
 Мы сами себе и Христос и спаситель!
 Мы сами Христос!
 Мы сами спаситель!

Вваливаются, пробивая облако пола, нечистые.

Х о р о м

Ух, и бородастые!
 Штук под триста!

М а ф у с а и л

Пожалте, пожалте —
 тихая пристань!

А н г е л ь с к и й г о л о с

Понапустили народу шалого!

А н г е л ы

Драсьте, драствуйте!
 Добро пожаловать!

М а ф у с а и л

А ну-ка, Златоуст, займись-ка тостом!

Н е ч и с т ы е

Какие там тосты!
 Мы устали,
 как собаки, голодны!

Мафусаил

Терпение, братие!
Сейчас,
сейчас накормим досыта.

Мафусаил ведет нечистых к месту, где на облачном столе облачное
молоко и облачный хлеб.

Плотник

Нашагался.
Нельзя ли какой-нибудь стул?

Мафусаил

Нет-с,
в раю нет.

Плотник

Чудотворца б пожалели —
стоит вон стул.

Рудокоп

Не ругайся.
Главное — подкрепление сил.

Набрасываются на ковши и краухи, сначала удивляются, потом, негодуя, откидывают
бутафорию.

Мафусаил

Вкусили?

Кузнец
(грозно)

Вкусил, вкусил!
А нет чего посущественней?

Мафусаил

Не купать же бестелых существ в вине?

Нечистые

Ждем вас, проклятых,
смирненно умираем мы.
Кабы люди знали, что это впереди!
У нас у самих
такими раями
хоть пруд пруди.

Мафусаил

(указывая на святого, которому орал кузнец)

Не орите, неудобно.
Ангельский чин.

Рыбак

Поговорили бы лучше с чином:
не сварит ли чин ваш щи нам.

Голоса нечистых

Не так мы себе это представляли.

Охотник

Нора!
Сушья нора!

Шофер

И не похоже на рай.

Сапожник

Так, голубчики,
дорвались до рая!

Слуга

Ну, доложу вам, дыра, я!

Батрак

Что ж, вы так вот и сидите?

Один из ангелов

Зачем?

Случается и на землю
к праведному брату или сестре пойти,
и возвращаемся, елей свой излив там.

Слуга

Так вот перышки по тучам и трепите?!

Чудаки!

Обзавелись бы лифтом.

Второй ангел

А мы метки на облаках вышиваем, —

Х. и В. —

Христовы инициалы.

Слуга

Вы б еще подсолнухи грызли.
Провинциалы!

Батрак

Побывали б у меня на земле они,
отучил бы лодырей от лени!

Поют вот:

«Долой тиранов, прочь оковы».

И до вас доберутся,
не смотрите, что высоко вы.

Швея

Совсем, как в Питере:

население скучено,

еда скушана.

Нечистые

Скучно у вас.

Ох, и скушно!

Мафусил

Что поделаешь, такой уж строй у нас.

Оно, конечно,

многое не благоустроено-с.

Батрак

Как отсюда вылезти?

Мафусил

Спросите у Гавриила.

Б а т р а к

А Гавриил который?
Все — как один!

М а ф у с а и л
(гордо разглаживая бороду)

Ну, не скажите,
есть и отличие, —
вот, например, бороды длина-с.

Н е ч и с т ы е

Чего разговаривать?
Крушите!
Это учреждение не для нас.

Б а т р а к

К обетованной!
Ищите за раем.
Шагайте!
Рай шажимицами взроем.

Х о р

Найдем!
Хоть всю вселенную взроем!
Ломают рай, вздымаясь ввысь.

К у з н е ц

Заря разгорается —
дальше!
За рай!
Там все разговеемся...

Но когда сквозь обломки рая долезли до верха, перебивает кузнеца швея:

Да что кормить голодных зарей!

П р а ч к а
(устало)

Ломаем, ломаем и ломаем мы
тучи.
Не время ли мимо им?
Скоро ли, скоро ли маями
тело усталое вымоем?

Еще голоса.

Куда?
Не очутимся в новом аду ли?
Надули нас!
Нас надули!
А дальше что?
Чем дальше, тем жутче.

(Подумав.)

Вперед трубочиста! Иди, лазутчик!
Из тьмы обломков рая вырастает новая, и последняя, картина.

Конец второй картины

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обетованная страна. Огромнейшие, во всю сцену, ворота. Ворота размалеваны в какие-то углы, из которых слабо намечаются улицы и площади земных местностей. А наверху, над забором, качаются саженные цветы и горящим семицветием просвечивает радуга. У ворот лазутчик, возбужденно выкликающий карабкающихся.

Трубочист

Сюда, товарищи!
Сюда!
Высаживайте десант!

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Подымаются нечистые и страшным удивлением окидывают ворота.

Трубочист

Чудес-с-с-а!!

Плотник

Да ведь это Иваново-Вознесенск!
Хорошие чудеса.

Слуга

Как это проходимцам верить, вас спрошу я!

Рыбак

Да не Вознесенск это,
верьте чести.
Это Марсель.

Сапожник

А по-моему, Шуя.

Рудокоп

Не Шуя вовсе.
Это Манчестер.

Батрак

Манчестер, Шуя —
не в этом дело:
главное —
опять очутились на земле,
опять у того же угла.

Все

Кругла земля, проклятая,
ох, и кругла!

Прачка

Земля, да не та!
По-моему,
для земли не мало ли пахнет помоями?

Слуга

Что это в воздухе —
сласть какая-то разабрикосена?

Сапожник

Абрикосы!
В Шуе?
Да и время как будто к осени.

Подымают головы. Радуга бьет в глаза.

Все

А ну, фонарщик,
ты с лестницей, —
лезь да глазом окинь.

Фонарщик

(лезет и останавливается, обмерев. Только и мямлит)

Дураки мы!
Ну, и дураки!

Нечистые
(разом)

Да рассказывай!
Смотрит, что гусь на молнию!
Рассказывай! Сыч!

Фонарщик

Н-е м-о-г-у...
Т-а-к-а-я
к-о-с-н-о-я-з-ы-ч-ь...
Дайте мне, дайте стоверстый язычище,
луча чтоб солнечного ярче и чище,
чтоб не тряпкой висел,
чтоб раструбливался лирой,
чтобы этот язык раскачивали ювелиры,
чтоб слова
соловьи разносили изо рта...
Да что!
И тогда не расскажешь ни черта!
Бутыли горящие ходят, булькая...

Голоса

Булькая?

Фонарщик

Да, булькая!
Дерево цветет,
да не цветком, а булкою.

Голоса

Булкою?

Фонарщик

Да, булкою!

Батрак

А хозяйка расфuffyренная
и хозяин мопсовидный
ходят по городу, тротуары уродуя?

Фонарщик

Нет,
отсюда никого не видно.
Ничего не заметил этого рода я.
Сахарная женщина...
Две еще!

Все

Да говори хоть подробней немножко!

Фонарщик

Да ходят всякие
яства,

вещи.
 У каждой ручка,
 у каждой ножка.
 Фабрики во флагах
 за верстою верста.
 Куда ни ткнется взор стоног —
 в цветах
 без работы стоят
 верстак,
 станок.

Нечистые
(беспокойно)

Стоят?
 Без работы?
 А мы здесь исхищряемся в словесном спорте.
 Может, дождь пойдет,
 машины испортит.
 Ломитесь!
 Кричите!
 Эй!
 Кто тут?

Фонарщик
(скатываясь)

Идут!

Все

Кто?

Фонарщик

Вещи идут!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ворота распахиваются, и открывается город. Но какой город! Громоздятся в небо распахнутые махины прозрачных фабрик и квартир. Обвитые радугами, стоят поезда, трамваи и автомобили, а посредине сад звезд и лун, увенчанный сияющей кроной солнца. Из витрин вылазят лучшие вещи и, предводительствуемые хлебом и солью, идут к воротам.

По онемелым рядам прижавшихся нечистых.

А-а-а-х-х-х!

Вещи

Ха-ха-ха-ха-ха!

Оживший батрак

Кто вы?

Чьи вы?

Вещи

Как чьи?

Батрак

Да как вашего хозяина имя?

Вещи

Никаких хозяев!

Ничьи мы.

Б а т р а к

А для кого хлеб?
Соль?
Сахарная голова?
Встречаете кого?

В е щ и

Вас!
Все вам!

В с е

Нас?
Нам?

К у з н е ц

Спим, должно быть.
Выдумки сна.

Ш в е я

Раз
вот так
сидела галеркою.
На сцене бал.
Травиата.
Ужин.
Вышла —
и такой это показалась горькою
жизнь:
грязь,
лужи.

В е щ и

Никуда это теперь от вас не денется —
это земля.

О х о т н и к

Будет морочить!
Какая это земля!
Земля — грязь,
земля — ночи.
На земле наработаешь — разинешь рот,
а жирный такой придет и отберет.

П р а ч к а
(хлебу)

Зовет,
а сам,
небось,
кусаться будет.
Пятьсот рублей, что пятьсот зубов, должно быть,
на каждом пуде.

П л о т н и к
(машине)

Тоже!..
Подходит!..
Походка мышинная.
Мало коверкало нас машиною!
Вам бы лишь зубы на рабочих растить!

Все вещи

Прости, рабочий!
 Рабочий, прости!
 Рубля рабы,
 рабы рабовладельца
 были.
 Заставил цепными делаться!
 Берегла прилавки, сторублева и зла,
 в окна скалила зубья зарев.
 Купцовы щупальцы лезли из лавок.
 Билось злобой сердце базаров!
 Революция,
 прачка святая,
 с мылом
 всю грязь лица земного смыла.
 Для вас,
 пока блуждали в высях,
 обмытый мир
 расцвел и высох!
 Свое берите!
 Берите!
 Идите!
 Рабочий, иди!
 Иди, победитель!

Голоса

Нога не бритва,
 авось не ступим.
 Давайте, братцы, попробуем,
 ступим!

Нечистые ступают.

Батрак
(трогает землю)

Землица!
 Она!
 Родимая землица!

Все

Запеть бы теперь!
 Закричать!
 Замолиться!

Булочник
(плотнику)

Сахар-то —
 я его лизнул.

Плотник

Ну?

Булочник

Сладок, просто сладок.

Несколько голосов
 Теперь с весельем не будет слада!

Батрак
(хмелея)

Товарищи вещи,
 знаете, что?
 Довольно судьбу пытать.

Давайте, мы будем вас делать,
а вы нас питать.
А хозяин навяжется — не выпустим живьем!
Заживем?

В с е

Заживем!
Заживем!

Нечистые жадно посматривают на вещи.

Б а т р а к

Я бы взял пилу. Застоялся. Молод.

П и л а

Бери!

Ш в е я

А я — иглу б.

К у з н е ц

Рука не терпит — давайте молот!

М о л о т

Бери! Голубь!

Нечистые, вещи и машины кольцом окружают солнечный сад.

К н и г а
(обиженно)

А я?

В с е

Иди!
Довольно ускользала ижица!
Становись, книжица!

Книга становится в почтительно разомкнутый круг.

В с е

Чего волами подъяремными мычали?
Ждали,
ждали,
ждали года
и никогда не замечали
под боком такую благодать.
И чего это люди лезят в музеи?
Живое сокровище на сокровище вокруг.
Что это — небо или кусок бумагеи?
Если это дело наших рук,
то какая дверь перед нами не отворится?
Мы — зодчие земель,
планет декораторы,
мы — чудотворцы.
Лучи перевяжем пучками мётел,
чтоб тучи небес электричеством вымести.
Мы реки миров расплещем в мёде,
земные улицы звездами вымостим.
Копай!
Долби!
Пили!
Буравь!

Все ура!
 Всему ура!
 Солнцеклонники у мира в храме,
 покажем, как петь умеем мы.
 Становитесь хора́ми —
 солнцу псалмы!

Г и м н
 (торжественно)

Сон вековой разнесён —
 целое море утр.
 Хутор мира, цветы!
 Ты наш!
 А над нами солнце, солнце и солнце.
 Радуйтесь все, кто силён,
 цех создателей мира, рабочих.
 Бочек вина пьянее
 жизнь.
 Грей! Играй! Гори!
 Солнце — наше солнце!
 Довольно!
 Мир исколесён.
 Цепь железа сменили цепью любящих рук.
 Игру новую играйте!
 В круг!
 Солнцем играйте. Солнце катайте. Играйте в солнце!

Пауза, а за ней —

К у з н е ц

Идем!
 Идем по градам и весям,
 флагами наши души развесим.
 Вылазьте из грязи
 все, кому
 надоели койки ночлежных нар.
 Городов граниты,
 зелени сел —
 наше все.
 Мир — коммунар.

В с е

Трудом любовным
 приникнем к земле
 все,
 дорогá кому она.
 Хлебьтесь, поля!
 Дымьтесь, фабрики!
 Славься!
 Сияй,
 солнечная наша
 Коммуна!

З а н а в е с

[1918]

СОДЕРЖАНИЕ

Я сам	5
-----------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ (1912—1917)

Ночь	19
Утро	19
Порт	20
Уличное	20
Из улицы в улицу	20
А вы могли бы?	20
Вывескам	21
Театры	21
Кое-что про Петербург	21
За женщиной	21
Я	21
Исчерпывающая картина весны	23
От усталости	24
Любовь («Девушка пугливо купалась в болоте...»)	24
Мы («Лезем земле под ресницами вылезших пальм...»)	24
Шумики, шумы и шумиши	25
Адище города	25
Нате!	25
Ничего не понимают	26
В авто	26
Кофта фата	26
Послушайте!	27
А все-таки	27
Еще Петербург	28
Война объявлена	28
Мама и убитый немцами вечер	28
Скрипка и немножко нервно	29
Мысли в призыв	30
Я и Наполеон	30
Вам!	31
Гимн судье	32
Гимн ученому	32
Военно-морская любовь	33
Гимн здоровью	33
Гимн критике	34
Гимн обеду	35
Теплое слово кое-каким порокам (<i>почти гимн</i>)	36
Вот так я сделался собакой	37
Кое-что по поводу дирижера	38
Пустяк у Оки	38
Великолепные нелепости	39
Гимн взятке	39
Внимательное отношение к взяточникам	40
Чудовищные похороны	41
Мое к этому отношение (<i>гимн еще почтее</i>)	42
Эй!	43
Ко всему	43
Лиличка! <i>Вместо письма</i>	45
Издательства	46

Никчемное самоутешение	46
Надоело	47
Дешевая распродажа	48
Мрак	50
Лунная ночь. <i>Пейзаж</i>	51
Следующий день	51
В. Я. Брюсову на память	51
Хвои	52
Себе, любимому, посвящает эти строки автор	52
Последняя петербургская сказка	53
России	54
Братья писатели	55
Революция. <i>Поэтохроника</i>	55
Подписи к плакатам издательства «Парус»	58
Сказка о красной шапочке	58
К ответу!	59
«Нетрудно, ландышами дыша...»	59
Интернациональная басня	60
«Ешь ананасы, рябчиков жуй...»	60

СТИХОТВОРЕНИЯ (1917—1925)

Наш марш	61
Тучкины штучки	61
Весна	61
Хорошее отношение к лошадям	62
Ода революции	62
Приказ по армии искусства	63
Радоваться рано	63
Поэт рабочий	64
Той стороне	64
Левый марш (<i>Матросам</i>)	65
Потрясающие факты	66
С товарищеским приветом, Маяковский	67
Мы идем	68
Владимир Ильич!	68
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче	69
Отношение к барышне	70
Гейнеобразное	71
Горе	71
«Портсигар в траву...»	71
III интернационал	71
Всем Титам и Власам РСФСР	72
Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника	73
Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума	78
Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь	80
Последняя страничка Гражданской войны	81
О дряни	81
Неразбериха	83
Два не совсем обычных случая	83
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе	87
Приказ № 2 армии искусств	88
Прозаседавшиеся	90
Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?» — «Люблю, — ответил я, — когда он не нелеп»	91
Сволочи!	92
Бюрократида	94
Выждем	98
Моя речь на Генуэзской конференции	98
Мой май	100
Как работает республика демократическая? <i>Стихотворение опытное. Восторженно критическое</i>	101
Баллада о доблестном Эмиле	105

Нате! Басня о «Крокодиле» и о подписной плате	106
Стих резкий о рулетке и железке	107
После изъятий	109
Германия	109
На цепь!	111
Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Монé	113
Пернатые	114
О поэтах	116
О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах	118
На земле мир. Во человецех благоволение	120
Барабанная песня	121
Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану	121
Париж	123
Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский	125
Газетный день	126
Когда голод грыз прошлое лето, что делала власть Советов?	129
Когда мы побеждали голодное лихо, что делал патриарх Тихон?	130
О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?	130
Мы не верим!	132
Тресты	133
Строки охальные про вакханалии пасхальные	135
Крестьянин, — помни о 17-м апреля!	135
17 апреля	137
Наше воскресенье	137
Весенний вопрос	138
Не для нас поповские праздники	140
Марш комсомольца	141
Схема смеха	141
1-е мая («Свети! Вовсю, небес солнцеглазь!»)	142
1-е мая («Поэты — народ дошлый!»)	143
1-е мая («Мы! Коллектив! Человечество! Масса!»)	144
Рабочий корреспондент	145
Универсальный ответ	146
Воровский	148
Это значит вот что!	148
Баку.	149
Разве у вас не чешутся обе лопатки?	150
[.....] («...товарищ Чичерин и тралеры отдаст и прочее...»)	152
О том, как у Керзона с обедом разрасталась аппетитов зона	154
Смыкай ряды!	156
Горб.	157
Коминтерн	157
Молодая гвардия	158
Издательство летчика	159
Итог	160
Авиачастушки	162
Авиадни	163
Нордерней	163
Москва—Кенигсберг	165
Солидарность.	168
Уже!	169
Киноповіetrie	170
Маяковская галерея (<i>Те, кого я никогда не видел</i>)	172
Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского	198
Будь готов!	209
Киев	210
Ух, и весело!	213
Протестую!	215
9-е января	217
Здравствуйте!	218
Дипломатическое.	220
Буржуй, прощайся с приятными деньками — добьем окончательно твердыми деньгами.	222

Твердые деньги — твердая почва для смычки крестьянина и рабочего	224
Комсомольская	226
На учет каждая мелочишка	227
Два Берлина	231
Юбилейное	232
Пролетарий, в зародыше задуши войну!	239
Севастополь — Ялта	241
Владикавказ — Тифлис	243
Тамара и Демон	245
Гулом восстаний, на эхо помноженным, об этом дадут настоящий стих, а я лишь то, что сегодня можно, скажу о деле 26-ти	248
Прочь руки от Китая!	254
Хулиганщина	254
Селькор	255
На помощь	255
Посмеемся!	256
Флаг	257
Третий фронт	258
Рабкор («Ключи счастья» напишет какая-нибудь дура...»)	260
Рабкор («Лбом пробив безграмотья горы...»)	262
Немного утопии	263
Два мая	263
Май	265
Красная зависть	266
Ялта — Новороссийск	267
Выволакивайте будущее!	269
Даешь мотор!	270
О. Д. В. Ф.	272
Вот для чего мужику самолет	274

ПАРИЖ (1924—1925)

Еду	277
Город	278
Верлен и Сезан	279
Notre-dame	284
Версаль	285
Жорес	288
Прощание («Обыкновенно мы говорим...»)	289
Прощанье («В авто, последний франк разменяв...»)	290

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ (1925—1926)

Испания	291
6 монахинь	291
Атлантический океан	293
Мелкая философия на глубоких местах	295
Блек энд уайт	296
Сифилис	298
Христофор Колумб	300
Тропики	305
Мексика	306
Богомольное	311
Мексика — Нью-Йорк	314
Бродвей	314
Свидетельствую	315
Барышня и Вульворт	317
Небоскреб в разрезе	319
Порядочный гражданин	321
Вызов	322
100%	323
Американские русские	325

Бруклинский мост	327
Кемп «Нит гедайге»	330
Домой!	332

СТИХОТВОРЕНИЯ (1926—1930)

Краснодар	334
Строго воспрещается	334
Сергею Есенину	335
Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!	339
Первомайское поздравление	340
Четырехэтажная халтура	341
Английскому рабочему	344
Разговор с фининспектором о поэзии	345
Московский Китай	351
Передовая передового	353
Взяточники	355
В повестку дня	359
Протекция	360
Любовь («Мир опять цветами оброс...»)	363
Послание пролетарским поэтам	364
Фабрика бюрократов	368
Товарищу Нетте человеку и пароходу	371
Ужасающая фамильярность	373
Канцелярские привычки	374
Беспризорщина	375
«МЮД»	376
Две Москвы	377
Хулиган («Республика наша в опасности. В дверь...»)	378
Хулиган («Ливень докладов. Преете? Прей...»)	380
В мировом масштабе	380
Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия».	383
Лев Толстой и Ваня Дылдин	384
Мечта поэта	385
Праздник урожая	388
Искусственные люди	390
Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому.	391
Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!	396
Мои прогулки сквозь улицы и переулки	398
Продолжение прогулок из улицы в переулок	399
Тип	400
Долг Украине	402
Октябрь	403
Не юбилейте!	404
Стоящим на посту	407
Еврей	408
О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки.	410
Наш паровоз, стрелой лети....	412
Рождественские пожелания и подарки.	414
Наше новогодие	416
Стабилизация быта	417
Бумажные ужасы	419
Нашему юношеству	421
Фабриканты оптимистов	423
По городам Союза	424
Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели	427
«За что боролись?»	428
«Даешь изычную жизнь»	429
Корона и кепка	430
Вместо оды	433
Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь	435

Лезьте в глаза, влетайте в уши слова вот этих лозунгов и частушек	437
Февраль	438
Первые коммунары	439
Лучший стих	440
Не все то золото, что хозрасчет	441
Рифмованные лозунги	442
Маленькая цена с пушистым хвостом	444
Английский лидер	445
Мрачный юмор	446
«Ленин с нами!»	448
Лена	450
Мощь Британии	451
Товарищу машинистке	453
Весна	454
Сердитый дядя	457
Негритоска Петрова	459
Осторожный марш	460
Венера Милосская и Вячеслав Полонский	461
Глупая история	464
Господин «народный артист»	467
Дела вузные, хорошие и конфузные	469
Славянский вопрос-то решается просто	470
Да или нет?	472
Слушай, наводчик!	472
Ну, что ж!	473
Призыв	473
Про Госторг и кошку, про всех понемножку	474
Голос Красной площади	475
Общее руководство для начинающих подхалим	475
Крым («Хожу, гляжу...»)	478
Товарищ Иванов	478
Ответ на «Мечту»	480
Польша	482
Чугунные штаны	483
Сплошная неделя	484
Посмотрим сами, покажем им	484
Иван Иванович Гонорарчиков	485
Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела	486
Наглядное пособие	487
«Комсомольская правда»	488
Пиво и социализм	489
Гевлок Вильсон	491
Чудеса!	492
Маруся отравилась	493
Письмо к любимой Молчанова, брошенной им, как о том сообщается в №219 «Комсомольской правды» в стихе по имени «Свидание»	496
«Англичанка мутит»	497
Репорт профсоюзов	498
«Массам непонятно»	499
Размышления о Молчанове Иване и о поэзии	500
Понедельник — субботник	501
Автобусом по Москве	502
Было — есть	503
Гимназист или строитель	504
Баку	506
Солдаты Дзержинского	508
Без руля и без ветрил	509
Даешь хлеб!	511
Три тысячи и три сестры	512
Дядя ЭМЭСПЭО	513
Екатеринбург—Свердловск	513
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру	515
Император	516
Сердечная просьба	517

Десятилетняя песня	518
Лозунги-рифмы	519
Хочу воровать	520
Голубой лампас	520
Лицо классового врага	521
Даешь тухлые яйца!	525
Две культуры	526
Кино и вино	528
Детский театр из собственной квартирки — вышибают товарищи сатирики	528
Парижская коммуна	529
Фабрика мертвых душ	530
Нагрузка по макушку	531
Солнечный флаг	532
«Телевоксы»? Что такое?	533
Добудь второй!	535
Бей белых и зеленых	535
Кто он?	539
Электричество — вид энергии	540
Красные арапы	540
Точеные слоны	541
Весенняя ночь	542
Писатели мы	543
Арсенал ленинцев	544
«Жид»	545
Служака	547
Мы отдыхаем	548
Критика самокритики	549
Легкая кавалерия	551
Безработный	552
Дачный случай	554
Слегка нахальные стихи товарищам из Эмхахи	555
Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы	556
«Общее» и «мое»	557
Вредитель	559
Казань	561
№ 17	562
Марш — оборона	563
Готовься...	564
Готовься! Стой! Строй!	565
Товарищи, поспорьте о красном спорте!	566
Соберитесь и поговорите-ка вровень с критикой писателя и художника, почему так много сапожников-критиков и нет совершенно критики на сапожников?	567
Дом Герцена	570
Крест и шампанское	572
Странно... Но верно	574
О том, как некие сектантцы зовут рабочего на танцы	574
Каждый сам себе ВЦИК	575
Дом Союзов 17 июля	576
Шестой	578
Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево!	578
Про пешеходов и разинь, вонзивших глазки небу в синь...	579
Трус	580
Помпадур	582
7 часов	584
Стих не про дрянь, а про дрянцо. Дрянцо хлещите рифм концом	585
Крым («И глупо звать его...»)	587
Небесный чердак	588
Евпатория	589
Земля наша обильна	589
Польза землетрясений	590
Рифмованный отчет. Так и надо — крой, Спартакиада!	591
Товарищи хозяйственники! Ответьте на вопрос вы — что сделано, чтобы выросли Казанцевы и Матросовы?	592
Это те же	593

Шутка, похожая на правду	594
Привет, КИМ!	597
Костоломы и мясники	597
Помощь Наркомпросу, Главискусству в кубе, по жгучему вопросу, вопросу о клубе.	600
Важнейший совет домашней хозяйке	601
Размышления у парадного подъезда	602
Явление Христа.	603
Повальная болезнь	604
Баллада о бюрократе и о рабкоре	605
Плюшкин. Послеоктябрьский скопидом обстраивает стол и дом	606
Халтурщик	607
XIV МЮД	608
Всесоюзный поход	609
Вперед, комсомолыцы!	610
Секрет молодости	612
Галопщик по писателям	612
Счастье искусств	614
Вопль кустаря	614
Лучше тоньше, да лучше	615
Враги хлеба	616
Привет делегатке	616
Вегетарианцы.	617
Головотяпам	618
Студенту пролетарию.	618
Даешь автомобиль!	619
Рассказ рабочего Павла Катушкина о приобретении одного чемодана	620
Горящий волос	622
Поиски носков	623
Почему?	624
Непобедимое оружие	625
Что такое парк?	626
Рассказ одного об одной мечте.	627
Идиллия	629
Столп	630
Во избежание умственных брожений, стихи написав, объясняю их: стихи в защиту трудовых сбережений, но против стяжателей глупых и скупых	631
Проба	632
Зевс-опровержец	633
В чем дело?	634
Поп	635
Подлиза	636
Сплетник	637
Ханжа	638
Стихи о разнице вкусов	639
Стихотворение о проданной телятине	639
Стихи о красотах архитектуры	642
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви	644
Письмо Татьяне Яковлевой	646
Ответ на будущие сплетни	647
Божественная картинка	648
Лыжная звезда	648
Чье рождество?	649
Мразь	650
Баллада о почти что факте	650
Технике внимание видать ли?	651
Перекопский энтузиазм!	652
Лозунги к комсомольской переключке. Готовься! Целься!.	653
Итоги	654
Говорят...	655
Теоретики	655
Разговор с товарищем Лениным	655
Мрачное о юмористах	657
Урожайный марш	658

Проверь, товарищ, правильность факта — так или не так это	658
Душа общества	659
Долой шапки!	661
Тигр и киса	662
Что такое?	662
Который из них?	663
Они и мы	665
Кандидат из партии	665
Монте-Карло	666
Вонзай самокритику!	667
Два соревнования	668
На Западе все спокойно	669
Заграничная штучка	672
Парижанка	673
Красавицы	675
Стихи о советском паспорте	675
Нота Китаю	676
Долой! Западным братьям	677
Голосуем за непрерывку	678
Изобретательская семидневка	679
Анчар	681
Застрельщики	682
Американцы удивляются	683
Два опиума	683
Надо бороться	685
Смена убеждений	686
Пример, не достойный подражания	687
Первый из пяти	688
В 12 часов по ночам	688
Помните!	689
Птичка божия	690
Стихи о Фоме	691
Я счастлив!	692
Мы («Мы — Эдисоны невиданных взлетов...»)	694
Даешь!	696
Октябрьский марш	696
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка	698
Лозунги по КИМу	699
Отречемся	700
Особое мнение	701
На что жалуетесь?	702
Стих как бы шофера	703
Даешь материальную базу!	704
Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий	705
Последний крик	706
Не увлекайтесь нами	707
Любители затруднений	707
Стихотворение одечно-молодежное	708
Марш ударных бригад	710
Тревога	711
Эпиграммы	713
Ленинцы	714
Марш двадцати пяти тысяч	715
Подводный комсомолец	716
Товарищу подростку	717
Новый тип	717

СТИХИ ДЕТЯМ (1925—1929)

Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий	719
Что такое хорошо и что такое плохо?	724
Гуляем	725
Что ни страница, — то слон, то львица	727
Эта книжечка моя про моря и про маяк	728

История Власа — лентяя и лоботряса	728
Мы вас ждем, товарищ птица, отчего вам не летится?	730
Конь-огонь	731
Прочти и катая в Париж и в Китай	732
Возьмем винтовки новые.	734
Майская песенка	735
Кем быть?	735
Песня-молния	738

ПОЭМЫ

Облако в штанах	741
Флейта-позвоночник	758
Война и мир	765
Человек	787
150 000 000	807
Люблю	841
IV Интернационал	848
Пятый Интернационал	853
Про это	874
Владимир Ильич Ленин	909
Летающий пролетарий	965
Хорошо!	1000
Во весь голос	1030

ПЬЕСЫ

Мистерия-буфф	1039
Мистерия-буфф. <i>Второй вариант</i>	1087
Пролог и вставка ко второму варианту «Мистерии-буфф»	1157
А что, если?..	1159
Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое	1165
Как кто проводит время, праздники празднуя	1172
Чемпионат всемирной классовой борьбы.	1179
Вчерашний подвиг	1185
Клоп	1205
Баня	1236
Москва горит (1905 год)	1273
Москва горит (1905 год). <i>Вторая редакция</i>	1286
Владимир Маяковский. <i>Трагедия</i>	1300
<i>Алфавитный указатель</i>	1312